

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

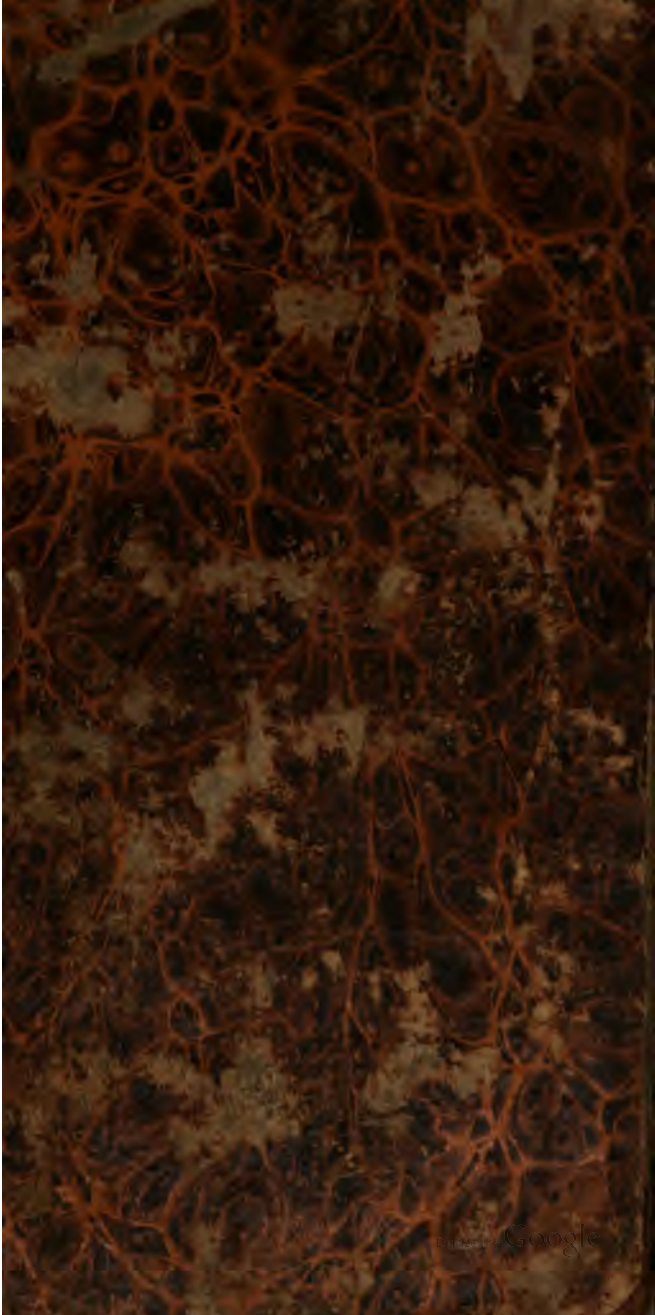
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

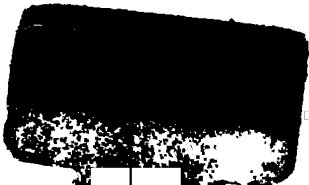
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Xb 4 m

P.o. nel. 3.334 - 1

Padonije

<36634768160011

<36634768160011

Bayer. Staatsbibliothek

**ПАДЕНИЕ
ВЕЛИКАГО
КОВГОРОДА.**

Масовый и тысячный Ярмарка пласавь предъ полвина-
 гою на коротинскихъ пожнась своихъ, кланяясь иль-
 стному ему противанному Божеству.
 илт. В. Лоухов.

**ПАДЕНИЕ
ВЕЛИКАГО
НОВГОРОДА.**

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ XV ВѢКА,
ИЗЪ КНЯЖЕНІЯ
ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА III ВЕЛИКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣякаго.

Кто прошивъ Бога, кто прошивъ
Великаго Новгорода?

Новгородская Пословица.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чшобы по оппечатаваніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
Москва, 1832 года, Сентября 23 дня.

Профессоръ, Ценсоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

ДРУЖБѢ:

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

ШВАЙЦЛОВУ.

Ты понимаешь меня — и этого довольно.

Какъ взоръ любви или обѣщанья славы,
Плѣнительна святая спарина,
Прапрадѣдовъ дѣянья величавы,
И тихій бытъ и грозная война!
Призывъ ея чарующій внимаю,
Душа горитъ, какъ арфа золотая!
Минувшее вѣщаетъ предо мной,
Объяснитъ на яву мечтой дремотной:
Богатыри медлительной сподой
Мимолетъ въ осанкѣ беззаботной.
Я знаю васъ, припомцы древнихъ
лѣтъ!

На васъ горитъ бытописаній слѣдъ.
Андрей, Князь Переяславскій. Часть I.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Предспавляю на судъ просвѣщенныхъ чипашелей вшоричный плодъ шрудовъ моихъ. Обозрѣвашь его со спороны *бл-лой* и *черной* — не могу: найдешся и безъ меня много *голосатыхъ* на безошвѣнное швореніе; но мнѣ пріятнѣе будешь, если шолько одно чисшое безприсшраспіе моихъ чипашелей-судей опредѣлишъ ему надлежащую цѣну, чѣмъ кривые шолки косыхъ шѣрмомешровъ-показашелей. Не расшросшраняюсь

II

много, не выискиваю громко-вычурныхъ выраженій; но скажу поскромнѣе, что я, посвящая соопечеспвенникамъ своимъ опечеспвенную быль, опмѣтенную въ скрижаляхъ испоріи яркими красками преданій, имѣю одну цѣль — любовь къ родинѣ; она движетъ перомъ моимъ и способностями души къ изліянію чувствъ; для липшерапурныхъ же парпизановъ выспавляю флангъ равнодушія. Пусть имъ достанется на рѣщипку мое пвореніе. Я надѣюсь, что настало уже то время, въ которое всякій, не ожидая ихъ апшеспаций, прямо выскажетъ себѣ самъ справедливое мнѣніе о шрудахъ моихъ: *Digno—dignum est.*

ПАДЕНИЕ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

ГЛАВА I.

НОЧЬ. БУРЯ. ТАИНСТВЕННЫЙ ТЕРЕМЪ И ТАИНСТВЕННЫЕ
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ. ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВЪ ТЕРЕМЪ. ОВОЮД-
НЫЯ ПОДОЗРѢНІЯ. ПОНСКИ.

Дрожишь земля, подъявля ревъ;
Въ опвѣшь ей воешь лѣсь дремучій;
Неизчерпаемою пучей
Просперся вокругъ пуманъ сѣдой.

Н. Маркевичъ.

Тиха и мерпвенна была ночная при-
рода; черныя пучи, какъ скалы, задвига-
ли горизонтъ; только вдали чупъ,

Часть I.

I

чуть жмурилась вечерняя звѣздочка, но и ша скоро попухла подѣ нахлынувшимъ на нее облакомъ; ночь совершенно облекла природу сумракомъ своимъ, какъ погребальнымъ крепомъ; молнія изрѣдка разрывала пучу и явила небосклонъ, разкрывая небо и землю; но громъ покоился, какъ бы приговорясь вдругъ разразиться, — все молчало, какъ бы въ нѣмощь передъ наступающею грозою.

За нѣсколько десяшковъ верстъ отъ Москвы и на сполько же почти въ спорону отъ большой Тверской дороги, огражденный со всѣхъ споронъ вѣковыми, рогатыми соснами, споялъ деревянной перемъ; при первомъ взглядѣ на оный, можно было догадаться, что неоспановочное время въ полешѣ своемъ много разъ уже задѣвало его крылами, годъ отъ году болѣе и болѣе царапая ими спѣны его. Добрые люди не заню-

силы и ноги чрезъ порогъ его, пошому чшо не за чѣмъ было. Пушешешвенники, заспигнушые на большой дорогѣ ночью или непогодю, рѣдкіе не знали чшо на ней находился приюный шинокъ, кошорый содержалъ одинъ Липвинъ, по прозванію *Помазокъ*, славившійся въ шо время далеко молодою брагою и молодой женою своею, кошорая была весела и шакже гулива, какъ брага, и щеки кошорой были пынцы и румяны, какъ поджаренные блины мужа ея; а недобрые давно ужъ и не прокладывали слѣда къ помянушому шерему, шакже зная, чшо въ немъ, кромѣ въпра, хозяйшвенно разгуливавшаго по гриднямъ, ловишь было не кого и пощечиться, кромѣ двухъ живущихъ въ немъ сущешвъ, соспоявшихъ изъ мужа съ женою, по лѣшамъ ровесникамъ шерему, было не чѣмъ.

Теремъ сей, огороженный еще висо-

*

кимъ, бревенчатый заборомъ, раздѣляли длинныя сѣни на двѣ неравныя половины. Меньшая изъ нихъ, содержащая въ себѣ проспранную свѣшлицу, была занята помянутыми спариками, а большая, по слухамъ обипаемая нечиспою силою, была приперта большею желѣзною дверью, сквозь копорую продѣты были двойные заклепы, охваченные огромнымъ замкомъ съ заржавленною печатню. Коса, заспуть и грабли, прислонясь къ дверямъ, спояли вмѣсто часовыхъ.

Сии спарики видѣли зимъ шессть уже окончины свои разузоренныя морозомъ и запорошенныя снѣгомъ; они жили шупъ какъ въ сырой могилѣ; одинъ шолько эшопъ морозъ порою окликалъ ихъ, спуча въ спѣны, какъ караульный въ доску, и шакъ же часпо, какъ они зубами опъ спраку и холоду; и вопъ шеперь седьмое лѣпо опкашивающъ они опъ забора своего крапиво.—Миро-

любовно и уединенно, какъ прародители наши Адамъ съ Евою въ Эдемъ, кончали они земное бытiе свое. Привычка, скоро ли, долго ли, но переспавъ бытъ мачихою и обращается въ другую природу почти для всякаго, шакъ и шарой Сидоръ купно съ шарухою Меланью, поладивъ съ нею, волею или неволею были довольны судьбою, а болѣе другъ другомъ, выключая развѣ, когда Сидоръ, побывавъ въ Москвѣ за харчами, на возвращномъ пути соблазняется елкой, гордо порчащей надъ дверью шинкаря Помазка, но ласково и умильно манящей къ себѣ пупешеспивенниковъ конныхъ и пѣшихъ, (по крайней мѣрѣ симъ шакъ казалось), будпо не нарочно завершывалъ къ хозяину оной спросить: нѣтъ ли ему какой работы? Не смотря на то, что Липвинъ, при надобности въ немъ, всегда самъ присылывалъ за нимъ; разумѣется, Сидоръ при посѣщенiи своемъ не былъ обносимъ ков-

шомъ пѣниспой браги и по уходѣ изъ шинка, пазуха его всегда шопырилась доброй краюхой пирога съ капустою, даннаго ему или на-дорогу или въ го-спинецѣ Меланьѣ Савельевнѣ. Послѣ ша-кого задобриванья, угоспипельной По-мазокъ ужъ и не спрашивался Сидора: можно ли ему, въ предѣлахъ, ввѣренныхъ Сидору, рубить дрова для варки браги, для печенья пироговъ и проч. Только Меланья - шо Савельевна недоброхошно вспрѣчала муженька своего, замѣшивъ, что у него лице алѣло, какъ ея празд-ничная кармазинная кичка, а ноги вы-супали косвенно. Онъ же бывалъ не до-воленъ ею, выпрезвѣтъ хмѣль свой сномъ, и съ груспію и сладспію вос-помяная минувшее, досадно бывалъ пре-рываемъ ея кропошаньемъ, когда она че-резъ чуръ уже расплешала словоохопли-воспъ свою, до чего была, какъ и боль-шая часпъ женщинъ, спраспная охоп-ница и говорима, что называется, за-

поемъ. Впрочемъ, они жили дружно, хощя и не припѣваючи.

Зажженная лучина, вопкнушая въ желѣзный свѣпецъ, слабо проливала свѣтъ на Сидора, сидящаго на скамейкѣ; подлѣ него лежалъ лапашъ, другой онъ плелъ, спѣша закончить его къ завтраму на продажу; прошивъ него дремала Савельевна подлѣ жужжаньемъ верепена, копорому вшорилъ сверчокъ за печкой однообразнымъ чирликаньемъ своимъ. — Спарики молчали — вдругъ молнія облила пламенемъ своимъ ихъ обончину.

»Съ нами сила креспная!« вскрикнула Савельевна, перекреспясь — и верепено выпало изъ рукъ ее. »Упаси Господи, какая гроза насшупаетъ!« сказалъ Сидоръ въ свою очередь, шакже перекреспясь. Тушъ же посьпался ревучій дождь и лѣсъ дрогнулъ, шумно закачая вершинами своими.

»Савельевна,« сказалъ Сидоръ, »заслони-
ка окончину-по спавнемъ, а по заду-
ешъ лучину.«

Савельевна поплелась и только лишь подошла къ окну, въперъ обдалъ ее, лучина вспыхнула и попухла; вмѣсто ее ослѣпительно блеснула молнія, разрѣдила мракъ и освѣшила предъ окномъ движущіяся фигуры людей.

»Бапюшки свѣшы, чпо эпо!« воскликнули почти въ одинъ голосъ спарики, пораженные вдругъ сполькими ужасами; но раскашъ грома заглушилъ послѣднія слова ихъ.

»Эй! кпо здѣсь живешъ? Добрые люди, аль не добрые, укройше опъ шемной ночи и непогоды заплушавшихся!« раздался громкій голосъ у окна. — »Да поскорѣй,« прибавилъ хриповашый — какъ замѣшно—дрожа опъ холода.

»Баба! вздувай огня!« проговорилъ Си-

дору, собравшись съ собою, » а я побѣгу оппираться вороша. «

» Какъ бы не шакъ, вздувай огня! « опвѣчала Савельевна полуголосомъ, передразнивая его; » да кого эшо нелегкая принесла о сю пору? Спану я свѣспить всякимъ бродягамъ! По мнѣ они хопъ бы всѣ бѣльмы-шо повыкололи себѣ на рожны, побери ихъ нелегкая!

— Аль хозяевъ нѣшъ, аль они нехристи какія, чшо не могутъ пущипъ насъ на часочекъ пообогрѣшья, да пообсушишья? «... сказалъ хриповашый голосъ.

» Да чшо пущъ упрашивашъ: ишь ни привѣшу, ни опвѣшу не выждешь опъ нихъ. Если бы они были добрые люди, шо сами бы зазвали насъ, а съ злыми чинишья нечего! « перервалъ его громкій голосъ. »Если же совсѣмъ нѣшъ хозяевъ, шо мы и безъ нихъ прополкнемся: перемъ не игольное ушко, пролѣземъ! Терешка! Коспыль! « продолжалъ

онъ, ломайте воропа, а я осажу окно.»
И съ симъ словомъ слѣзаль съ лошади,
что слышно было по звуку ноженъ его
меча, ударившагося о спремена.

»Иду сей часъ, вошь полько накинута
зипунишка!« вскрикнулъ Сидоръ, спру-
ся рѣшипельныхъ поступковъ незван-
ныхъ госпей своихъ.

Пріѣзжіе оспановили подьячья ру-
ки и съ неперпѣніемъ ожидали появле-
нія хозяевъ, ибо крупный дождь обли-
валъ ихъ съ ногъ до головы — полько
человѣкъ съ хриплымъ голосомъ былъ
въ раздумьи, за кого принялъ приглаша-
теля: »что эшо въ шеремѣ-шо темно,
какъ въ преисподней?« ворчалъ онъ при-
мѣшно робкимъ голосомъ.

»Теперь не до шого,« отвѣчалъ шова-
рищъ его; »въ шемной избѣ все лучше,
чѣмъ въ шемномъ лѣсу, гдѣ свѣпяшся
полько волчьи глаза: въ немъ намъ не
деньги счишашъ, не мышей искашъ, а
полько укрьшся онъ эшаго пошода.

Медленно скрипя, раздвинулись ворота, и Сидоръ вышелъ изъ нихъ, расширяя глаза, какъ бы силясь ими прорваться темноугу; кошпоя заспилала ошъ него прѣзжихъ.

— Войдише, вопъ сюда, за мной.... Да много ли васъ? говорилъ онъ.

»Всего чешверо,« ошвѣчалъ громкій голось, ошупавъ его плечо и схвапясь за него; »авось углы швоей свѣплицы не разшреснушя ошъ насъ!« Прочіе, введя на дворъ лошадей своихъ, ухвапились за сего и шакимъ образомъ почши ошупью пошянулись всъ, какъ погребальная процессія, въ обипалище Сидора.

Сначала все шло хорошо, дворъ оспашили они за собой благополучно, вопли въ сѣни — идущъ — вдругъ хриплый голось заоралъ шакъ громко, чшо шоваршцъ его, подумавъ, чшо здѣшній домошой воспривѣпсповалъ его поцѣлуемъ лапы своей, сильно ошполкнулъ Сидо-

ра и, вышаркнувъ изъ ноженъ своихъ мечь, задѣлъ еще рукой поварища своего по носу. Сей закричалъ въ другой разъ и пѣяшился къ своимъ, копорые, въ изумленіи, пригопоясь защищаться, не знали, кпо нападаешъ и на кого; Сидоръ же, подумавъ, чпо его хопяшъ убипъ, опскакнувши къ спѣнѣ опъ полчка незнакомой руки, не сперпѣлъ и началъ впорипъ хриплому до пѣхъ поръ, пока не ошарилъ двери свѣплицы, копорую захлопнувъ за собою, издавалъ уже глухіе звуки опшуда.

» Да кой чоршъ шебя запронулъ, чпо пы шакъ загорманилъ?« спросилъ громкій голось поварища своего, чрезъ нѣсколько минушъ собравшисъ съ собою.

» Да ужъ должно бышъ онъ насъ сюда завелъ и не даромъ лошади все фыркали! Человѣкъ бы не спалъ шакъ кусашся входя на дворъ,« опшвѣчалъ хриповашій робко.

— Какъ кусашся! — чѣмъ? —

» Чѣмъ! — конечно не волосами; мохонь-шо я не осязалъ, а клыки и шерерь чувспвую на лицѣ.

— Дивно! Однако хозяинъ вѣрно не въ заговорѣ съ нимъ: самъ пягу далъ.

» Куда шерерь двѣащся; впередъ сунушься, шакъ онъ огложешъ до костей; назадъ, лбомъ спѣны не прошибешъ; кругомъ шемно, непроходимо.«...»

— Вошь скобку я ощупалъ! шушь и дверь, сказалъ еще одинъ изъ спущниковъ и началъ спучашся; ему помогли прочіе, началась шревога—и слышно было, какъ ночныя шпицы, спуганныя съ мѣспъ своихъ, вспрепенулись и захлопали крыльями налешу.

» Чего вамъ опъ меня надапъ, молодцы?« послышался изъ двери голосъ Сидора.»Право, я бѣденъ, какъ Лазарь убогой; пожалуй загубише мою душу — эшимъ не разживешесь!«

Видя, что нечего опасашся храбро-

спи хозяина, спукъ удвоился и начался крикъ спучавшихся: »хозяинъ, да пуспи, дай пердохнушь! долго ли намъ дрогнушь? наць поспой не даровой; мы, пожалуй, впередъ заплашимъ.

— Да вы... не пришибете меня? «... опкликался робко Сидоръ.

» Вошь те Хриспось, право слово, не пронемъ! Да чшо шебъ померещилось, чшо мы шебя хопимъ стубишь? Вольно шебъ пуспишься благимъ мапомъ опъ насъ.«... Говоря послѣднія слова, громкій голось переспупалъ уже черезъ порогъ и за нимъ хрищый, наклонивши низко голову и выпаращивъ предъ собою сжатые кулаки, какъ бы избѣгая впоричнаго поцѣлуя съ нечиспымъ.

— Да просвѣши насъ, хозяинъ; намъ не въ гулючки играшь; нѣшь ли хопъ на алыпнъ огоньку-шо? продолжалъ громкій голось.

» Шарю, родимой... куда-шо въ щоро-

пяхъ свѣпецъ обронилъ, « говорилъ разспановиспо Сидоръ. »Жена, баба, хозяйка!« продолжалъ онъ, »пы куда еще запропаснилась? Вздуй-ка господамъ огонюку. Небось, они не пронущъ.»

Молнія зардѣла и озарила Савельевну, колпорая, какъ ящерица, выползала изъ подъ печки.

» Ха, ха, ха! видно швоя хозяйка шамъ цыпляшъ высиживаетъ!« говорилъ, смѣясь, громкій голосъ; »пы бы ее крошней покрывъ, а шо сглазашъ.»

Молнія блеснула еще. Савельевна приподнялась и, прокравшись по спѣнѣ къ мужу, начала чпо - шо шепшашъ ему.

» Ну и хозяйка спановиспся на дыбашки; авось шеперь будешъ прокъ!« сказалъ одинъ изъ прѣзжихъ.

— Чпо? Не хочешъ вздувашъ огня? Вошъ какъ я-ше дамъ шреушину, шакъ по неволѣ засвѣшишъ, какъ искры изъ

глазь посыпляшя — говорилъ Сидоръ не громко; но спрогая Савельевна, ворча чпо-по подъ носъ себѣ, опыскала пррупицу, высѣкла огонь, вздула его на лучину и освѣщила всю свѣщлицу и всѣхъ находящихся въ ней.

Чепырех-угольная свѣщлица, (нося полько названіе свѣщлицы), была закоичена, какъ угольная яма, впрочемъ проспранна; въ переднемъ углу въ божницѣ спояло нѣсколько иконъ, въ мѣдночекаренныхъ окладахъ; подъ божницей висѣла запыленная занавѣска, прикрывавшая полку, на копорой лежали писаные Свящцы съ мѣдными заспежками и чепки изъ богородицыныхъ слезокъ; въ передней спѣнѣ были расположены два узкія и продолговатыя окна, называемыя *красными* (хотя оспавался на нихъ слѣдъ зеленой, а не красной краски). Впрочемъ въ рамахъ были вспавлены опекла: чпо въ шогдашнее время было значительно роскошно, ибо они получались изъ чужихъ

краевъ; полько кой гдѣ вмѣсто разби-
 шыхъ вершковъ была наклеена холспи-
 на, обмазанная масломъ; по споронамъ
 боковыхъ стѣнъ находились *волоковыя*
 (*) окна, обшпанушья говяжьими пузы-
 рями, и наконецъ колоссальная изразцо-
 вая печь. Все это показывало, что свѣш-
 лица сія была нѣкогда обитаема не Си-
 доромъ съ Меланьей, а *ближними* Боя-
 рами Великаго Князя.

Кругомъ около нее распягивались ла-
 вки, въ переднемъ углу споялъ вымы-
 шной и выскобленной чиспо споль, въ
 заднемъ на двухъ скамьяхъ лежало ко-
 рышо, надъ коимъ навѣшены были пол-
 ки съ разной посудой. Савельевна, засвѣ-

(*) Четырех-угольные отверстія четверти въ
 полпоры или въ полъ-аршина, въ которыхъ
 или вкладывались рамы со стеклами, или отвер-
 стія сіи, особливо на ночь, задвигались вдѣланною
 въ стѣну доскою, отъ чего онѣ и назывались
волоковыя.

пивъ огня, спала у шешпка, обширая руки о полосающую поневу свою и часпо озираясь на всѣ спороны изъ подлобыя, а недалеко опгъ нее Сидоръ, шакже оглядывая приспально госпей своихъ.

Высокой, среднихъ лѣтъ мущина, съ опкрышымъ, добродушнымъ лицомъ, въ камлоповомъ однорядкѣ (*), заспегнутымъ шелковыми шнурками и перехваченнымъ козылбапскимъ (**) кушакомъ, за коимъ запкнушъ былъ кинжалъ, и сверхъ всего легко накинупа была корзна, споялъ посреди свѣшлицы; широкій мечъ въ ножнахъ изъ буйволовои кожи, на кольчапой цѣпочкѣ, мошался у него съ боку, когда онъ опряхаль мокрую шапку свою съ рысей опушкой. На ногахъ его надѣшы были са-

(*) Или охобнѣ, длинная одежда съ рукавами и капшономъ.

(**) Или Персидскимъ.

поги съ нѣсколько загнутыми къверху носками; на мизинцѣ правой руки висѣла нагайка. Подлѣ него споялъ, недовѣрчиво озираясь, другой челоуѣкъ посшарѣе его, малорослый, но плотный, съ рѣдкою рыжею бородою, съ широкою плѣшью на головѣ и съ быспрыми маленькими глазами, одѣный почти также, какъ первый, выключая того, что вмѣсто корзины былъ на немъ надѣтъ на распашку лѣпный перликъ и вооруженіе его состояло только изъ одного широкаго ножа съ серебряной рукояшкой. На другихъ двоихъ надѣшы были просшые, суровые охобни съ исподницами изъ пещпреди; за то они крѣпко были вооружены и спояли у дверей раболѣпно, что доказывало, что первые двое были Бояре, а послѣдніе холопи ихъ.

»Ну, здорово, хозяева!» сказали пришедшіе, помолясь въ передній уголъ и слегка поклонясь имъ. »Не възщипце, что мы

напросились къ вамъ, нужда привела, « прибавилъ громогласный.

—Милоспи прошаемъ, Бояре, ради гос-
пнямъ! опвѣчалъ Сидоръ и Мѣланья по-
клонясь имъ въ поясъ.—За чшо взыски-
вашь? продолжалъ Сидоръ одинъ;—мы по
силъ-помочи ради приюшишь васъ, чѣмъ
Богъ послалъ, опъ шемной ночи и не-
погоды... не знаю, какъ ваша милоспъ
прозывается....

» Меня зовуптъ проспо Назаріемъ, а
поварица моего Захаріемъ! « опвѣчалъ
громкоголосый. » А пы какъ именуешь-
ся?

—Да былъ Сидоръ Мироновъ! А изъ да-
лека ли ѣдепъ? продолжалъ Сидоръ, об-
ширая полою зипуна своего переднюю
лавку и усаживая на нее госпей.

» Ужъ эшо не швое дѣло! « сказалъ За-
харій, садясь и опдуваясь съ усшало-
спи и испуга.

—Вѣспимо не мое, Бояре; я шакъ съ
проспу спросилъ, молвилъ Сидоръ, еще

поклонясь, и опошедь въ спорону, спалъ предъ ними, сложа руки.

»Вошъ, думали, гадали нынче доѣхашь до Москвы, анъ вышло иначе!« говорилъ Назарій. »Дождь загналъ насъ въ лѣсъ; хопгѣли укрышьясь подъ какое нибудь дерево и проплушали, да ужъ слава Богу, чпо у шебя ошарили ночлегъ-шо въ пошемкахъ.

—Человѣкъ назначаешъ, а Богъ распоряжаешъ, эшо искони ведешся, Бояринъ! опвѣчалъ Сидоръ. Вѣспимо, въ лѣсу жушко; шеперь молонья пакъ и обливаешъ заревомъ и вѣперъ и громъ-шо спономъ спонуншъ. Чу! ваши лошадушки пакъ и крапяшъ сердечныя.

»Да, вошъ спасибо напомнилъ!—Чпожъ вы, олухи, забыли про лошадей-шо?« закричалъ Захарій, оборошьясь къ холопямъ; вошъ самихъ высунушъ на дворъ, пакъ дождикъ доколошился бы до косцей ва-

шихъ, тогда и спали бы вы впередъ за-
бопипься о живошныхъ.»

—Лошадей мы ввели сюда, на дворъ, Боя-
ринъ; а наше дѣло не знамо, куда ихъ
поспавишь! опвѣчалъ Терешка. Вишь
мы не дома.

»Хозяинъ, нѣшь ли у себя навѣса ка-
кого для нихъ?« спросилъ Назарій.

—Какъ же, Бояринъ, опвѣчалъ Сидоръ;
шамъ позади сарай: въ немъ и моя кля-
ченка споишь.

»Ну чпожь вы бурколки-шо вылупи-
ли? спугайше за хозяиномъ!« вскричалъ
Захарій холопамъ и началъ чпо-шю на-
шешпывашъ шоварищу своему.

Сидоръ зажегъ лучину и, прикрывая
ее полою своею, пошелъ было, но и ему
Савельевна начала чѣмъ-шо шпиговашъ
уши; въ двухъ мѣсцахъ соспавлялся
шочно заговоръ. Савельевна покачивала съ-
дой головой своею, какъ часовой маяц-
никъ, Сидоръ пожималъ плечами, Назарій,

глядя на своего поварища, задумчиво повершывалъ мечемъ и ошвѣчалъ ему знаками, а сей почти былъ ужъ нагошовъ со сшраху бишь зубами превогу; холопи же ихъ, пошедъ было, оспановились съ полуошверспыми ршами и спали недвижно, какъ испуканы.

» Слушай, хозяинъ! да много ли васъ здѣсь, живущихъ въ эпомъ перемѣ? « спросилъ Назарій, погода не много, преравъ общія панпомимы.

— Мы съ женой, Бояринъ, двое шолько. Вошъ въ Микишинъ день минепъ шеспъ лѣшъ, какъ мы здѣсь одни маемся; а прежде онъ споялъ пуспой, прахъ его возьми! А до шого еще жили въ немъ....

» До прежняго намъ дѣла нѣпъ... а шеперь не упаевай, все выскажи. Знай, чшо мы не поддадимся шѣмъ, кого пы прикрываешь здѣсь; шолько шронъ насъ кшо еще чѣмъ нибудь, пы же и поплашнись головой и шѣхъ бородой своей не заслонишь... даромъ чшо она широкъ.»

— Да чшо ты, Бояринъ, кормилицъ, я хопь рабъ на бѣломъ свѣтѣ, а меня добры люди знаюшъ и ничемъ не хаюшъ. Правда, парнишки шинкаревы прудяцъ, да зубанюшъ иное время, надомной: чшо ты дискашъ не дѣсничай, а дѣшай. Намѣсь....

» Ахъ, ты непризнапельное живошное! Сладки швои уша, медовы рѣчи, а опрыжка горька!« вскричалъ, озлобясь Захарій; » кшожь изцапалъ лице мое въ швоихъ прокляпыхъ сѣняхъ, шемныхъ, какъ богопрошивная душа швоя? Еслибъ я не опвернулся, онъ скусилъ бы и голову мою, какъ кочень капуста; кшожь, говори? Ты шель впереди, а спарая Яга, жена швоя, сидѣла въ спупъ своей подь печкой.

— Такъ вопъ опъ чего загорланила швоя бойкосшъ, а я не зналъ, на чшо подумашъ, и самъ почувалъ, чшо эшо недаромъ; особливо какъ пхнулся къ

спѣнѣ, да за чпо же было на спинѣ-по
моей вымещашь.... я ни сномъ, ни ду-
хомъ не видалъ, кпо себя, Бояринъ, не
во гнѣвъ швоей милосши, шакъ приго-
лубилъ.

» Еще ты зубоскалишь!« произнесъ
грозно Назарій, вскочивъ съ своего мѣ-
сца. »Мы тебѣ дѣломъ говоримъ: будь
сознашелень, или ужъ тебѣ не видашь
больше дня.«

» Опсохни вошь эша рука, опвались
языкъ,« сказалъ испуганный Сидоръ, пере-
кресясь, »если я зло мыслю на васъ; а
чпо случилось, шому не я причиною:
должно бышь водяпся здѣсь... Да ужъ
лучше помолчу: недавнушко спалъ я въ
переднемъ углу, а къ упру лежу попе-
регъ дверей, какъ порогъ; вѣдь и слы-
шу, чпо шащашь, ворошишь кпо-по
меня, а молчу; силюсь молвишь, не могу:
врагъ одолѣлъ!«

»А, признаешься по немногу! самъ не
Часть I.

пѣшь, пакъ поргуешь челоѳческою кровью. Нѣшь, мы прежде швою выжмемъ до капли,» говорилъ робко Захарій, оглядывая робко всѣ углы и дверь и плясь за холопей своихъ.

Савельевна давно ужъ поглядывала подъ печку, а Мироньчъ, помолчавъ не много, сказалъ важнымъ голосомъ: »Не хопѣлось бы мнѣ объявляшь вамъ всю подногошную пошому, чшо говоряшь, будшо они за болпливосшь разсердящся и выпянушь языкъ. Ну да ужъ, чшобъ вы не думали обо мнѣ зазорно, всю душу наголо! Въ нашемъ шеремѣ—давно не здорово: въ немъ водящся нечиспые!» Последнїя слова свои произнесъ онъ почши шопошомъ и выпянувъ шею, какъ журавль.

» Врешъ, проводишь... вопъ какъ мы допросимъ шебя палашами, пакъ не пакъ заговоришь,» сказалъ, прищурясь, Захарій.

»А еще, зажись, добрые Вояре! говорил Сидоръ, покачивая голову. «Съдье волосы мои порукою, что я не грашениъ, предъ Богомъ и добрыми людьми во жи! Чшожь мнѣ-шо о васъ думаешь....»

»Вѣримъ, вѣримъ тебѣ, спаринушка! сказалъ Назарій ласковымъ голосомъ, дряпая его по плечу. »И ты повѣрь намъ, что мы ни одной сѣдины швоей не пронемъ; воптъ тебѣ правое слово мое!»

»Да было бы за что и пронуть, «вмѣшалась Савельевна, пріободрясь; «вѣдь мы Москвичи, судъ найдемъ: насъ, рабовъ своихъ, ни Вояринъ нашъ, ни самъ Бнязь Великій въ обиду не дасптъ всякимъ заѣжымъ.»

»Ого! наконецъ и ты каркнула, спарая ворона. На чью шолько голову?« сказала Захарій, язвительно улыбаясь.

»Да въ своемъ гнѣздѣ и ворона кор-

*

шуну выключесть глаза,« произнесла Савельевна, кивнувъ головою, »не погнѣвись, Бояринъ.«

»Слушай пы, лягушка! передъ чѣмъ пы разквакалась? Пикни еще, шакъ я шебъ засмолю паспъ-по! Эка невидаль, Москвичка! а Москвишяне-по всѣ рабы!«

Савельевна опять спрусила и насупилась, какъ сумерки, заворчавъ чпо-по себѣ подь носъ.

»Полно, поварищъ,« сказалъ Назарій съ неудовольспвіемъ; »швое дѣло неправо; лучше изслѣдуемъ сами испину! Дѣдушка,« прибавилъ онъ, »посвѣши-ка намъ до своего сарая; чай, наши лошади продрогли.

Сидоръ молча и нахмуренно двинулся. Назарій мигнулъ холопамъ своимъ. Сіи окружили его съ обоихъ боковъ, бывъ гоповы на всякой случай припкнупъ его въ случаѣ измѣны. Назарій, державъ

пись также за клинокъ меча своего , шель бодро съ ними; Захарій выступалъ сзади , по выпягивая голову , чпобъ высмопрѣшь впереди себя : нѣшь ли опасности , и заблаговременно учинишь репирату; по недовѣрчиво взглядывая на Савельевну , вѣрояпно боясь преслѣдыванья ухваща ея , на копорой она оперлась въ молчаливомъ ожиданіи , чѣмъ все эшо покончишся , какъ обезьяна на палку.

ГЛАВА III.

НЕОЖИДАННАЯ РАЗВЯЗКА. ПОПОЙКА. ВЕЧЕРНЯЯ ТРАПЕЗА. НЕМАЛОВАЖНЫЕ РАЗСКАЗЫ СИДОРА О СТАРИКЕ, ВЪ ОСОБЕННОСТИ О МОСКВѢ ЗА НѢКОТОРОЕ ЛѢТЪ ПРЯДЪ СЕМЬ. УМЕЛЕНІЯ НАЗАРІЯ И ГРОЗНАЯ ПЕРЕМѢНА ВЪ НЕМЪ. САВЕЛЬБЕНА СМѢНЯЕТЪ СИДОРА. РАЗСКАЗЪ О ТЕРЕМѢ И О ХОЗЯЕВАХЪ ЕГО. ОВЩЕЕ УСПОКОЕНІЕ.

Пируйше други: спукомъ чапъ
Авось приманенная радоспъ
Еще заглянешъ въ уголъ вапъ.

БАРАТЫНСКІЙ.

Лишь только Миронъичъ переспунилъ
порогъ съ своею свишкою и взглянулъ.

поприспальнѣе въ сѣни, сдѣлалъ мину, какъ будто сдохвашился о чемъ-шо; лице его выпрямилось, просвѣтлѣло, шѣло колыхнулось и вдругъ онъ захохоталъ, какъ заржалъ. Всѣ глядѣли на него съ большимъ изумленіемъ.

» Да что ты, сѣдой жеребецъ, на овесъ что-ли зубъ-шо скалишь? « спросилъ его Захарій, копорому надоѣло сморѣшь на сплюснутыя опть смѣха глаза его и слышашъ визгливыя всхлипыванья.

» Да какъ же! охъ какъ же, Бояринъ! самъ посуди, какъ же не смѣяшься на себя... « говорилъ распановисшо Сидоръ, продолжая хохоташъ, схвативъ себя за бока, и еслибъ спорожевые его не успѣли поддержашъ лучины, копорую онъ невольню выпустилъ изъ рукъ, шо бы шемношна народила опашъ много забавныхъ сценъ.

Назарій невольно улыбнулся на смѣшныя гримасы спарика; Савельевна же ошъ себя захлопнула дверь со спраху, почпя нѣжнаго супруга своего въ объятіяхъ домоваго; а Захарій, обидясь, сказалъ: »Чшо вы смотрише на эшаго бѣснующагося медвѣдя? Запкнише ему окно-шо хопъ войлокомъ: вѣдь онъ накликаешъ на насъ какихъ нибудь заспѣнныхъ убійць.«

» Охъ! износилъ на плечахъ десяшковъ семь годовъ, а пакъ не смѣивался и на Копчашку цыгана, Боярскаго попѣшника, какъ шеперь,« говорилъ успальмъ голосомъ Сидоръ, собравшись съ собой. »Взгляника, ворогъ-шо швой, чшо дави вцѣпился въ шебя, подъ ногами расшянулся. Проспи его, Бояринъ; онъ вѣдь покоренъ шебѣ,« продолжалъ онъ, ошносясь къ Захарію, указывая на полъ.

Всѣ взглянули и увидѣли лежащія грабли, зубцами вниць, за кошорыя За-

харій зацѣпился, пробираясь въ шемноштѣ по снѣгъ, и копорыя въ паденьи своемъ сполкнулись прямо съ его лицемъ.

Сидоръ опять захохоталъ, примѣняя изумленіе всѣхъ; Назарій поддержалъ его плѣчъ же; холопи, глядя на нихъ, также не ушерпѣли и закапились всѣ.

Но Захарію было совсѣмъ не до смѣха. Съ досадою опшполкнулъ онъ опъ себя ногами неучпивыя грабли, какъ ядовипую змѣю, и безъ всякаго спраха уже пошелъ въ свѣшлицу, шолько съ явнымъ неудовольспвіемъ, бормоча ругательспва насмѣшникамъ. Сидоръ съ холопами пошли опводишь лошадей и задашь имъ корму, а Назарій опправился за поварищемъ своимъ, крича имъ, чшобъ не разсѣдывали его *лихага*, а шолько бы опспегнули подпругу и разнуздали бы, чшобъ дашь ему передохнуть. Но поварища его шакъ неласково принимала недоброжелательная къ

нему Савельевна, что пошчасъ убралась вонъ по его приходѣ. Захарій, пройдясь нѣсколько разъ по свѣплицѣ, опошелъ къ споронѣ и, вынувъ изъ пазухи кожаную кису, зашнурованную ремнями на сборчатныхъ кольцахъ, и высыпавъ на пригоршню свою нѣсколько серебрянокъ, любовался блескомъ ихъ, и оспивался въ раздумьи: куда бы по-вѣрнѣе припрятать сокровища свои? Между тѣмъ, какъ Назарій доверчиво скинулъ съ себя корзину, распянулъ ее на лавкѣ, подкинулъ въ головы шапку свою и такимъ образомъ, пригопозивъ себѣ походную поспель, нечаянно оглянулся на поварища своего.

«Эй, эй, послушай!» говорилъ онъ. «Экъ у тебя глаза-то приросли къ деньгамъ; такъ впались въ нихъ, что не опшинешь ихъ и назадъ! Сколько ни пересчитывай, эшимъ не прибавишь; да и на что тебѣ болѣе? Ихъ и по сполько у

шебя, чпо до спрашнаго суда не проживешь, а иногда опъ смерти не опкупишься; черны же и въ долгъ повѣряютъ — по знакомству.... а не шо и на нихъ челобитную; кснати воптъ и на грабленихъ...»

»Ты полько зубанишь« отвѣчалъ пасмурно Захарій. »По шебъ, хопъ глошку перехватяютъ шоварищу швоему, пы ни руки не поднимаешь, ни голосъ подаешь въ пользу его; а я, кажись, почтимъе шебя, потому чпо посшаръе: шебъ бы и не приходилось языкъ-шо чесать надо мною; пы еще ползкомъ ходилъ, а я ужъ засѣдалъ въ *Думной Палатѣ* (*). «

»То-шо и еши, пы опъ всѣхъ оппрыскаешься чернилами, а давича и самъ

(*) Она равнялась нынѣшнему Государственному Совѣту. Присутствовали въ ней Князья и ближние Бояре; всѣ важныя дѣла рѣшались въ ней.

не шопопомъ подалъ за себя голось, шеперь же я произнесъ его въ швою пользу. Спрячь-ка ненаглядныя-шо: они шебя вводятъ часпенько въ *искушеніе*, но не избавяшъ опшь *лукаваго*. Ужь я шебъ предрекаю, чшо ими шы не одинъ ножъ припянешъ на шею свою. Да, вонъ кшо-шо ужъ и шаспишъ! «

Захарій поспѣшно задернулъ шнурками кису свою и, опуспивъ ее опяшь за пазуху, пріосамился, какъ будшо ни въ чемъ не бывалъ.

» Самаго свѣжаго, сочнаго сѣна задалъ лошадушкамъ вашимъ, Бояра, и кадушку овса почаль для нихъ, « сказалъ, вошедши Сидоръ. »Вишь, какъ измучились сердечушки. Одна чья-шо ужъ куды добра; вся въ мылѣ, какъ посеребрена; паръ валомъ валишъ изъ нее, а на мѣспѣ мига не проспоишъ, шакъ и взвиваешся. Холонскія-шо ужъ куда не шли; а шо еще одна шамъ еспъ, ни дашь ни взяпъ моя

колчанюшка, что по ней, бердышъ! Промѣняйше-ка ее въ Москвѣ на Нагайскую, что привели ономнѣсь Тапцары цѣлой шабунъ для продажи; дайше придачи рубля....»

Захарій насилу скрывалъ злоснѣ свою на Сидора, обидѣсь шѣмъ, что онъ браковалъ его лошадей, ибо не бывъ воиномъ, онъ не рѣшался сѣсть на шаковую же огневую, какова была у Назарія и, перервавъ его, спросилъ: » Что, гроза еще здѣшнѣ ? «

» Слава Богу, поспѣхла; дождь чупъ кропаешъ, шолько съ деревъ бойко сыплетъ его вѣшеръ; какъ вѣникомъ смешаетъ. «

Между шѣмъ холопъ Назарія, Терешка, принесъ Господину своему яшмовую фляжку съ Греческимъ виномъ, серебряный рожекъ, и конецъ бѣлаго папушника. Назарій, наливъ въ рожокъ вина, перекрестился и, поклонясь хозяевамъ, ра-

зомъ перелилъ его въ себя и, наливая другой, подчивалъ шоварища своего. »На-
ка,« говорилъ онъ, »опмочи живой водицей
душиньку свою; небось, она зачерснела со
спраху.« Захарій не опказался и выня-
нулъ винцо, какъ насосомъ. Дѣло дошло
до хозяина; но онъ обѣими руками оп-
пихивалъ поднесенное, говоря: »Чшо ны,
чшо ны, Бояринъ! Намъ не во льгочу
эшо снадобье; наше рыло не опворачи-
вается только опъ браги пѣнмой, да и
шо въ праздничный день, а не въ буд-
ни (*).«

Не малаго шруда спомло Назарію уго-
воришь его къ шому, чшобъ онъ вы-
пилъ хопя одинъ рожокъ. Сидоръ боял-
ся видѣшь предъ собою соглѣдашая изъ
холопяго приказа (**), чшобъ онъ пос-

(*) Тогда спрожайшнвъ указомъ запрещено было
пить въ будни.

(**) Для рабовъ была особая судъ, называемой *хо-
лопялы приказомъ*.

лъ не взялъ съ него *виры* (*). Но когда Захарій поклялся ему Московскимъ Чудошворцемъ, Св. Пешромъ Мишпрополипомъ, что никто изъ нихъ: *изъ избы сору не вынесетъ*, по еспь, доносчикомъ на него не будетъ; по шарикъ охотно согласился опорожнить не только рожекъ, но хопя бы и цѣлую флягу. Полюбилась ему лакомая влага, съ улыбкою самодовольствія погладилъ онъ бороду свою, копорую звали полосапой попому, что она была черная съ просѣдою, и ласково посмопрѣлъ на оспальное во фляжкѣ вино. Наконецъ и кропошунья Савельевна промочила горпань свою, не опказываясь, но прихлебывая и приговаривая: куда голова, туда и хвоешь; живемъ съ мужемъ ченьре десяшка, шакъ ужъ и ниць изъ одной чаши. После всѣ лица, при взаимной довѣренности другъ къ другу, выгладилсь, па-

(*) Денежная пеня.

мяпшь опмопалась на были и небылицы, а языки развязались на словооконливоспшь.

Сидоръ пуспился въ розказни о перемъ, и выводилъ начало его сущеспво-ванія, говоря, чшо онъ болъе нежели ровесникъ Москвъ; чшо прапрадъду Великаго Князя, Юрію Владиміровичу Долгорукому, подарилъ его на зубокъ замышляемому имъ городу какой-шо пуспынникъ-чародѣй, похороненный особо опъ православныхъ на *красномъ холму* въ концъ Алексѣевского лѣса, подѣ Ярославской дороги, коспи кошораго будшо и до сихъ поръ шакъ бьюпся о гробъ и пляшунтъ въ могилѣ, чшо земля лепишть опъ нее вверхъ ключьями; чшо эпонтъ космашой холмъ по ночамъ превращаешся въ спрашную разгорѣвшуюся рожу, у кошорой вмѣспо волосъ выюпся огненные эмѣинные хвоспы, а вмѣспо глазъ высывывающся жала и кивающъ проходящимъ; чшо пламя его обдаешъ из-

далека—и опть шого онъ прозванъ *краснымь*. Великой-же Князь подарилъ сей шеремъ Боярину его за вѣрную службу вскорѣ послѣ похода прошивъ Казанцевъ, чпо съ шѣхъ поръ спалъ жипь шупъ Бояринъ его съ семействомъ своимъ до *опалы* (*) Велико-Княжеской. Сидоръ проговорилъ бы, не умолкаячи, до упренней зари; но икоша послѣ доброй попойки спала ежеминутно перехватываашъ слова его и звукъ ея выдепалъ изъ краснорѣчивыхъ ушпъ его, какъ пробка изъ сжашаго горлышка бупылки, и онъ, оспанавливаемый еще женой, кошорой хошѣлось самой поговорипъ, закащлялъ и успупилъ ей проспранное поле болповни.

Лишь только было Савельевна выпшпила на эпо поприще, обшерла рукою рошъ и хошѣла задрезжапъ (чпо дѣлывала всегда вмѣспо предисловія), какъ, къ крайнему ея неудовольствію, была

(*) Опала — гнѣвъ.

перервана Захаріемъ на полуразпворѣ рпа, кошорый не разъ уже возглашалъ чпо-шо.

»Да уймипе жернова-шо свои!« закричалъ онъ громко. »Сказки ваши слишкомъ пощяя закуска для меня; шакъ заглушили, чпо докричашься не могу своимъ олухамъ, чпобъ принесли мнѣ чего нибудь уняшь превогу желудка моего. Чпо въ,« продолжалъ онъ, обращясь къ холопамъ, »глопаепе каждой мигъ спарухи? Онъ занозиспгъ—подавишесь имъ. Ошарпекка лучше шорока у сѣдла моего: на нихъ, давича примѣшилъ я, мопались калачи.«

»Да они, Бояринъ, всѣ распукли опъ дожда,« отвѣчалъ слуга его Коспиль.

»Въ самомъ дѣлѣ хорошо бы куснушь чего нибудь,« сказалъ Назарій.

»Скудна наша прапеза, Бояринъ, а если тебѣ въ угоду, шо бьемъ челомъ всѣмъ, чпо сыщешся,« произнесъ Си-

доръ, опкашлявни нѣсколько съ языка
оскомину розказней своихъ. «

» Чшо намъ разбирашь, любá или не-
любá пища? Все благословеніе Господне! «
опвѣчалъ Назарій. » Чшо до меня, я чело-
вѣкъ привычный ко всему, росъ не на
печкѣ, не былъ купанъ хлопками подъ
мапернимъ шугаемъ, а все почпи въ
полѣ; одѣвался не полоспями мѣховы-
ми, а желѣзной скорлупой; грѣлся же
морозомъ и пипался часпо на обумъ. «

Ласковыя и привѣпливыя слова его,
посуль денегъ и добродушный взоръ, дѣй-
спвовали надъ Савельевною убѣдительно-
нѣе, нежели косыя шпильки Захарія. Всу-
нувъ руки и голову въ печь, выпаци-
ла она изъ нѣдръ ея горшокъ съ ячмен-
ной кашницей, приправленной чеснокомъ
и свинымъ саломъ, доспала съ полки
ковригу ржаного хлѣба, толочна и по-
спавила все эшо съ поклономъ предъ
госпями своими.

Сидоръ нацѣдилъ въ ендову квасу, подалъ его вмѣспѣ съ деревянною съ узорною рѣзбою солоницей, гостямъ и пожелалъ имъ на здоровье опкушашь хлѣба-соли его.

Назарій, усердно помолясь Богу, сълъ за споль, опрушалъ себѣ добрую краюху хлѣба и, зачерпнувъ широкой ложкой кашицы, спалъ аппепипно перекладывашь по и другое въ желудокъ свой; Захарій же сперва морщился и дѣлалъ себѣ подъ носъ замѣчанія, чшо на хлѣбѣ не менѣе плесень, чѣмъ на лицѣ у хозяйки морщинъ, и чшо онъ неудобосѣдобенъ пошому, чшо не мягче зубъ его, или клинка меча; но когда увидѣлъ, чшо поварищъ его дѣлалъ набѣги опуспошипельные на кушанье, по рѣшился и самъ, по внушенію голода, пуспишъ съ нимъ въ запуски руки и ротъ; лице его начало по длиннѣшъ, по надувашься—и пошла молошба зубовъ.

Когда они, понасыпившись, не съ пакою уже горячностію напирали на ужинъ свой, по на сердцѣ у нихъ спало еще веселѣе, а въ глазахъ свѣплѣе, и раскураженный Захарій, разгладивши свое брюхо, съ самодовольною улыбкою разупножилъ брови и дружески спросилъ Сидора: »Скажика намъ, Мироньчъ—мы шакъ какъ люди заѣзжіе—нѣшъ ли въ Москвѣ чего новинькаго? Полакомъ-ка насъ какою нибудь сладкой вѣспочкою!... «

»И! Бояринъ,« опвѣчалъ Сидоръ, »опкуда намъ набрапъся новоспей; живемъ мы въ глуши: ппица на хвоспѣ не принесепъ ничего. Иной разъ хопъ и прильнешъ какая заносная вѣспочка, да Богъ вѣспъ, кому придепъ она по нраву? другой поперхнешся ей, да и мнѣ неуйпи. Вошъ вы, Бояре, кшо васъ разгадаепъ, какого *Удѣла*, не Московскіе, шакъ сами вѣдаепе: своя рука шолько къ себѣ ппашепъ, «

»Хопъ мы и не Москвитяне, ни земляки пвои, однако пакіе же Русскіе,« сказалъ Назарій, »такіе же православные Христіане, ходимъ съ вами подъ однимъ небомъ, поклоняемся одному Богу, грѣмся почпи одной кровью и баюкаемъ насъ одна малъ, Русь свяшая.«

»Да, опецъ-по не одинъ,« продолжалъ Сидоръ. »Мы чшимъ, по еспъ, челомъ бьемъ своему Князю: накого онъ, на шого и мы; за кого онъ, за шого и мы; а вы вѣдь, чай, чеспвуете своего.... «

»Мы« вскричалъ гордо Назарій, »всѣ мы одно плѣло! Душа наша....« Спихвапясь нѣсколько, прибавилъ онъ шихо: »Чшо-по будешъ!«

Захарій шолкнулъ его и перебилъ эшимъ рѣчь.

Чрезъ минушу молчанія, Сидоръ спросилъ:

»А бывала ли ваша милоспъ въ Москвѣ?«

«Я былъ, но давно уже,» опивчалъ Захарій, «когда еще въ Москвѣ замирала жизнь, души дремали во всѣхъ. Помнишь ли, Миронъчъ, когда испекала седьмая тысяча лѣтъ опгъ сотворенія міра, что по Греческимъ писаніямъ значило приближеніе конца свѣта (*) бѣлаго?»

«Какъ же, родимой! по-по были черныя години! Знапъ на насъ взглянулъ Касьянъ немилоспивой! (**) Я жилъ погда въ Красномъ селѣ. Бывало поидеу въ Кремль къ Боярину, да еще не доходя до посада, все сердце ужъ и изноеспъ; въ какую спорону ни взглянешъ, вездѣ поя-

(*) Дѣйствительно по Греческимъ хронологіямъ знач. есь преспавленіе свѣта по испеченіи 7,000 лѣтъ опгъ сотворенія міра и въ Москвѣ напаче господспивовала всеобщая мысль унынія въ 1465 г., копорую разсѣлъ Великій Князь Іоаннъ III походомъ на Казанскихъ Татаръ 1468 г.

(**) Извѣстно, что въ Выемосный годъ, Февраля 29 числа бываеспъ: муч. Касьяна. Въ древноспи почитали эпопъ день несчастливости.

вляеяся народъ въ *смирномъ* (*) плашьѣ, на каждомъ шагу видишь, какъ несуть одерь или *сани* (**) съ покойниками, а за ними надрывающіяся *голосатые* (***)).

(*) Извѣстно, что слово прауръ происходить отъ Нѣмецкаго слова: *traure*, означающаго печаль, съпование. Въ старину замѣнялось названіе праурнаго плащя *смирнымъ* или *чернымъ*.

(**) Сани въ древности имѣли широкое знаменованіе: 1, простой зимній экипажъ; 2, повозку, на которой носили или возили покойниковъ погребать; 3, родъ носилокъ, на коихъ нашивали знаменитыхъ особъ, особливо женскаго пола, для прогулокъ.

(***) *Голосатые* или *крикуны*, иначе *плакальщики*, родственники или другіе какіе ближніе покойника, въ древности шли за гробами и навзрыдъ произносили жалобнымъ голосомъ разныя приговорки и вопросы: за чѣмъ покойникъ или покойница оставили свѣтъ бѣлой, развѣ были недовольны чѣмъ и пр. Сіе вышло и подало поводъ иноспранцамъ говорить, что будто у насъ въ Россіи нанимаютъ *плакальщиковъ*. Сіе обыкновеніе существуетъ и нынѣ между простыми народомъ въ нѣкопрыхъ городахъ и почти во всѣхъ селеніяхъ.

Слухи носились, что железа (*) рыскала по всей Руси; а у насъ, кажись, похващывала народу болѣе всѣхъ. Вѣдь что его примерло—гибель! А какъ спудено-шо было, какіе снѣга-шо наспилались даже въ вешніе дни; и солнышко-шо Божіе опвернулось погда опъ грѣшной земли нашей; бывало и не проглянешъ, не обрадуешъ насъ безчасныхъ; а лѣшомъ-шо еще пущая пришла невзгода: ни дожичка, ни росинки—жаръ обдаешъ, а локнушъ нечего, почно вода-шо вся выпарилась, а хлѣба всѣ опалило; и голодно и душно; хошъ живой вались въ могилу—а ночи-шо еще какіе ужасы наводили на насъ! Вопъ сдѣлаешся шемень шакая, шпо глазъ неймешъ за вершокъ-передъ собой; мѣсяцъ позанесушъ облака, вопъ словно проглотяшъ его, и шупъ хошъ глазъ

(*) Гибельная язва, свирѣпствовавшая ужасно; по всей почтн Россіи искала она жертвъ, укладывая нупъ свой шрупами.

выколи. Еще по ночамъ же бывало, — самъ я не слыжалъ, а молва разносила, — что озера вишь во емъ выди, шакъ что спашь не давали, кшо жилъ къ нимъ близко; и ни вѣспъ что преперпѣли мы! И чѣмъ полько прогнѣвали Владыку Небеснаго, что Онъ послалъ на насъ, горькихъ, напасъ шакую люшую!»

Назарій, внимашельно слушавшій любольшный разсказъ Сидора, задумчиво и гореспно произнесъ: »Бѣдная наша опчизна! и чужіе и свои враги и немилоспшьпо Господня подавляюпть шебя!»

»Какіе же эшо свои враги, Божринъ?» спросилъ его Сидоръ. »Кажись, шеперь всѣ Князья живушь въ ладу, какъ дѣши одной машки, дружно и согласно; нашъ же Московскій, аки спаршій брапъ, власпю своею, какъ крьмомъ, покрываеспъ другихъ; о прежнемъ же времячкъ, вѣспимо, спрашно и подумашъ. Вопъ недавнушка уломалъ онъ, нашъ башюпка, разбойниковъ.«...

Захарій догадался, о чемъ хочеть заговорить Сидоръ, и замѣпя, что Назарій, вдругъ одумавшись, гоповъ быть распалился гнѣвомъ, копорый прорывался уже изъ глазъ его, поспѣшно спросилъ Сидора: »Ну, Мироньчъ, чтожь далѣе-по было? «

» Да что? грянулъ громъ и хвапились за умъ, почали всѣ креспиться: кто вносилъ богатые вклады въ храмы святыя, кто спроилъ ихъ, кто, не въ судъ будь сказано, пропопшалъ колѣна и опмахалъ всю голову, молившись, а съ ближнихъ своихъ сдирали въ чепверо за хлѣбъ насущной, не смопря на то, что у самихъ были полные закромы всякой всячины, а другимъ и кушущъ было нечего; иные же—ззорно и вымолвишь—нанимали за себя моельщиковъ... Кто не хотѣлъ шрудиться, да работашъ, шакъ дѣлались попами ихъ (*), ублажали всячески; а они, проспи

(*) Смопри Исторію Карамзина Томъ VI.

Господи! вмѣсто ушѣшенія и моленія за православныхъ, шолько соблазняли народъ и безчинспвовали до того, чпо добрый владыко нашъ Паспырь и Свяпишель Феодосій не смогъ шерпѣшь болѣе шакихъ беззаконій, покинулъ паспву свою, сложилъ санъ Мипрополичій и заключилъ въ Чудовѣ. Тамъ, сказывали, ухаживалъ онъ все за какимъ-шо прокаженнымъ, молился за насъ грѣшныхъ и дѣлалъ многія богоугодныя дѣла до конца жизни своей.»

»А церковь-шо Божія и вы оспались безъ спража на добычу эшимъ разврапникамъ искушителямъ?« спросилъ Назарій.

»Мѣсно свяшо пусшо не живешъ, да и вѣрующіе въ него шоже. Духовные сановники скоро всѣмъ соборомъ избрали на упразднившееся мѣсно, въ Московскіе паспыри, Суздальскаго Свяпишеля Филиппа. Вошъ ужъ эшошъ мужъ ра-

зумыный, красноглаголивый, силою слова своего разогналъ эшу челядь во имя Божіе, а насъ просвѣшилъ надеждою, проповѣдуя о испытаніи и покорности рабовъ земныхъ Отцу своему Небесному, чадолюбивому.»

»Помнился мнѣ, Москвитяне ваши загомосились на Казань послѣ эшаго падежа людскаго?» спросилъ Захарій.

»Не послѣ, а въ эшо же время, Бояринъ, какъ Великій Князь вспрепевулъ вѣрно-подданныхъ своихъ гласомъ громкимъ: идши на невѣрцевъ. Какъ выкапили на площадь кремлевскую, не шараны спѣнобишныя, не шуры подкашныя, не перевѣсы присшупныя (*), а огнемепы чугуныя (**). Все эшо такъ приободрило народъ, что всѣ подняли головы, какъ будто прогрянула Спрашная труба и

(*) Сія орудія составляли Русскую артиллерію до 1450 г.

(**) Пушки.

вызвала всѣхъ изъ смерпнаго усыпленія. Сбылись и священныя слова нашего пасшьяря: *молитесь и дастся вамъ*. Наспала весна и послѣ долгаго пожданья проглянуло солнышко. Царь мой небесный! какъ обрадовались ему православныя! »Манушка, родное, глазокъ Божій, ненаглядное пы наше!« вскрикивали всѣ рыдая; а оно-шо: какъ умильно, какъ свѣплю взглянуло на насъ.... и заиграли его искорки на кресахъ соборныхъ, и разгорѣлись наши сердца радоспью и.... Да чпо и говоришь! всего и не вымолвишь, чпо было на душѣ! Земля опдохнула—и спшьхъ поръ уже жушко спало показывашься снѣгамъ, да морозамъ, въ вешніе дни!»

Доканчивая разсказъ свой, Сидоръ уперъ рукавомъ высшупившія слезы, Назарій послѣдовалъ ему молча. Лучина нагорѣла и навела мракъ на свѣплицу. Все было пихо; вдругъ Захарій сдѣлалъ шакое забываніе носомъ своимъ, чпо

всѣ на него оглянулись, подумавъ , что это прозвучала сапелка (*). Совершивъ подвигъ свой побѣдою надъ ужиномъ и не привыкнувъ послѣ сего долго двигать языкомъ, сидя за споломъ еще привалилъ онъ спину къ спѣнѣ, раскинулъ руки въ разныя спороны, склонилъ голову внизъ и, долго чмокавшись ею о грудь, какъ бы раскланиваясь, прощаясь со всѣми, заснулъ, убаюканный разговорами, и когда всѣ замолчали, онъ смѣнилъ общее молчаніе сильнымъ всхрапомъ , но шутъ же проснулся и сморщилъ изумленно, разширя глаза свои на нементе изумленныхъ Назарія и Сидора, и прочихъ.

» Охъ, да какъ славно я вздремнулъ!« произнесъ невнятно Захарій; и замѣпя, что денежная киса его высунулась въ половину наружу изъ-за пазухи во вре-

(*) Родъ дудки—спаринный инструментъ.

мя раскачиванья его корпуса, ужаснулся, что выказалъ свои сокровища, и поспѣшно припряталъ ее.

Назарій вспалъ изъ-за спола и помоллся Богу; за нимъ и Захарій, зѣваяючи. »Ну, шеперь моя очередь соснушь,« сказалъ первый, и прилегъ на корзну свою. »Спаруха, накорми-ка нашихъ холопей чѣмъ нибудь. Кспаши ужъ вопшь шебѣ за все шепло и добро швое,« продолжалъ онъ, выкладывая на споль серебряную рѣзань (*), а Захарій сверхъ того опложилъ нѣсколько Липовскихъ грошей (**) Савельевнѣ за хлопобы и услуги ея.

»Спасибо-спе, господа милосливые!« сказали хозяева, низко кланаясь имъ. »Вопшь эша наша свѣшленькая-шо,« прибавилъ

(*) Конхъ въ гривнѣ считалось 50, каждая изъ нихъ спола 20 коп. серебра.

(**) По торгу съ иноспранцами были въ Россіи монеты разныхъ Европейскихъ Государствъ.

Сидоръ, переверпывая рѣзань и любуясь ею; а эши мѣдяшки-шо, Богъ вѣспь, какія; шѣже пулы да не шѣ, на нихъ и грамошной-шо не разберешъ всѣхъ каракулекъ. А чшо, Бояринъ,« продолжалъ онъ, обрапясь къ Захарію, »должно бышь издадека эши кружки?«

» Нужды нѣшъ, чшо опсюда не видашь, гдѣ ихъ кругляшь, однако шебѣ за нихъ и въ Москвѣ насыплюшь доброй оковъ (*) хлѣба. «

» Я и не сомлеваюсь, Бояринъ; всякая деньга спановишся всѣмъ припоманна,« ошвѣчалъ Сидоръ.

»Ну-ка, спарина — чшо-шо сонъ не берешъ еще—пораскажи-ка намъ шеперь о дворъ вашего Великаго Князя. О прошлыхъ дѣлахъ вѣдашь не шакъ льгошно, какъ о шѣхъ, съ копорыми время ведешъ рядышкомъ; шы же о чемъ-шо

(*) Мѣра хлѣбная.

давича заговорилъ: будшо иную вѣспь не проглошишь. Небось, говори смѣло, мы вѣрные слуги Московскому Князю: у насъ вѣдь добро не въ горлѣ оспановишся, а въ памяти; оно дымомъ не разсѣется и глазъ не закопшишь.»

»Я шаки опяшь, Бояринь, молваю: мои вѣспи короче бабьяго разума; сами будеше въ Москвѣ, всего понаберешесь и раздивуешесь, какъ она красишся, какъ бодры и сильны спали дѣпки ея и какъ оспры мечи ихъ. Вошь хопъ бы взяшь, примѣромъ сказашь, Мурзы Ташарскіе, эши Казанцы-поганцы съ своимъ псомъ царемъ Ибрагимомъ, ужъ не они шеперь на насъ, а мы на нихъ; наши дружины прошопшали дорожку даже къ самому гнѣзду эшихъ невѣрцевъ. Да вошь шолько привелъ бы Богъ *Батюшкь нашему* побить оспальную спѣсь съ чопорныхъ Новгородцовъ, а по бы онъ ихъ ошеломилъ, какъ намѣсь эшихъ.»

»Да знаешь ли шы, косноязычникъ, чшо

погубило Новгородцевъ?» вскричалъ уча-
спливо Назарій. »Еслибъ не измѣна
Упадыша (*) съ единомышленниками
его, брызнулъ бы на Москвитянъ па-
кой огнемешной дождикъ, чпо съ разу
спалилъ бы ихъ, и гордыя спѣны Нов-
города, окрасившись кровью новыхъ вра-
говъ, еще гордѣ зааели бы опъ нее!
Такъ-шо, съдая бѣда,« прибавилъ онъ рав-
нодушнѣ изумленному Сидору, »чего не
знаешь, шого и въ умѣ не держи.«

»Воцъ шо-шо, Бояринъ, самъ напро-
сился на слово нелобое! Я говорилъ, чпо
на всякаго не приберешь нравную вѣспъ.
Однако, за чпожъ шы заспѣняешь кра-
мольниковъ?» возразилъ Сидоръ, обидясь,
не по праву и не по дѣлу; »они вина-
шы кругомъ; въ нихъ видно и кровин-

(*) Новгородскій жипель, шайнѣй доброжелатель
Великаго Князя Іоанна, который заколошилъ
55 пушекъ у земляковъ своихъ и былъ за шо
послѣ мучипельски казненъ правнпедями Нов-
города.

ки-по Русской нѣшъ, а по бы они не промѣняли своихъ на чужихъ, не спали бы съякшашься, да совѣшъ держашь съ иновѣрною Липвою! Мы холопи, а поже кой чпо смѣкаемъ; не я одинъ, вся Москва молвишъ, о чемъ шеперь помьшляешъ Князь нашъ.»

Примѣшно было, какъ Назарій задумался и не нашедъ чпо опвѣчашъ ему, вздохнулъ и, опусшивъ голову на шапку, замѣнявшую для него подушку, спарался заснушъ; а Захарій, значитель-но улыбаясь, произнесъ: »Нолно гушаришъ-по; мы шочнѣе шебя знаемъ, какія мѣсли возяшя въ головѣ вашего любовлашвующаго Князя.« Сидоръ посмошрѣлъ присшально на него и, какъ буд-по догадавшисъ о чемъ-по, схвашилъ себя за голову и поспѣшно вышелъ изъ свѣшлицы; а Савельевна, кормившая холопьевъ, опвѣчала ему вмѣшпо мужа: »Вѣспимо, шаки понавѣдалисъ и мы кой-чего; а когда наши Бояра были во вре-

мени (*), по тогда мы и болѣе знавали....

» Кспапи, Савельевна: за чпожъ *опалато* опалила крылышки швоихъ Бояръ? Кпо они шаковы и гдѣ находящя шеперь?« спросилъ Захарій.

» Долга пѣсня про все, Бояринь!« опвѣчала она. »Вонъ дождь-шо, кажись, унялся, небо прочисшился, шакъ свѣшашь скоро начнешь; вамъ будешь въ пушь пора, а намъ на покой.«

» Да чпо-шо сонъ-шо у меня давича какъ рукою сняло; пораскажи-ка шеперь чпо нибудь шы. «

» Ну, коль изволишь слушашь, да эшо шебѣ въ угоду—шакъ пожалуй: Бояринь нашъ прозывается Алексѣемъ Полуевкшовичемъ; онъ былъ въ чеспи у Великаго Князя, а жена его, Боярыня Нашалья Никоновна, у Великой Княгини.

(*) То ешь, въ милости.

Марьи Михайловны, (*) первой любимицей: въ свашбу Великокняжескую она посыпала невѣспу и жениха хмѣлемъ изъ золопой мисы, да опахивала придевяпью соболями дорогими. И жили поживали наши Бояра при дворѣ, въ высокихъ перемахъ чинно и раздольно, и ѣдали съ Княжескихъ блюдъ сладко и разносольно. Подымется ли, бывало, Князь Великій въ походъ, и Бояринъ съ нимъ и сохраняешъ его особу вѣрно, а Боярыня оспанешся попѣшапъ сиропиночку Княгиню Великую; и много годовъ прошло шакою чередою. Вдругъ, Марья Михайловнѣ чшо-шо подѣялось; бывало она не соснешъ ни на мигъ, ни пробуркнешъ словечка и не проглотитъ ни кусочка—ужъ чѣмъ-чѣмъ ни забавлялъ ее Князь Великій! И заспавлялъ слѣпаго гудочника играшъ подлѣ поспели ея на гудкѣ и веселья и умильнѣя пѣсни-по;

(*) Первая супруга Юанна была Тверская Княгиня.

и ласпишъ-по ее и медомъ золопымъ, шипучимъ и всякими закусками и гощпинцами сладкими, ничѣмъ не угодишъ. Знахари думали—передумывали, судили, рядили и сказали въ одинъ голосъ: чпо она испорчена ѳлыми снадобьями. На кого подумашь? Спали спрашивашъ у всѣхъ сѣнныхъ и сановныхъ прислужницъ ея спрого, и показали всѣ, чпо видѣли, какъ Боярыня наша, Нашалья Никоновна ходила съ поясомъ Великой Княгини къ какой-шо ворожеѣ (*), и чпо будпо эша недобрая ворожея привила ей недугъ люпый. Вопъ и опворили храмы Свяшые, подняли образа чудопворные, служииели Божии преклонили колѣна и начали упрашивашъ силы небесныя о здравии мапушки нашей Княгини Великой; но знашь Богу не угодно было ниспослать ей милоспей Своихъ: шѣло ея почернѣ-

(*) Прозшествія и лица невимьшленныя.

ло, какъ воронье крыло и опекло пакъ, чпо и вздумашь невозможно. Недолго маялась она, сердечушка, и опошла ши-хо, какъ заснула. Только чпо ударили въ колоколь о выносъ шѣла ея, а Напалью Никоновну какъ ножемъ по сердцу, и взбѣгалась она по гриднямъ своимъ, и занесла шакую гиль, чпо Господи упаси всякаго слушаешь ее. Видно, убоясь праведнаго гнѣва Великаго Князя, вдругъ пропала она, и пакъ сокровенно, чпо и Алексѣй Полуевкшнович не могъ придумашь: куда бы ей дѣпсья? А его Князь совсѣмъ сослалъ съ глазъ своихъ. Вошь онъ и переселился изъ Москвы сюда, въ родовой свой шеремъ, удалилъ всѣхъ своихъ закушныхъ рабовъ; шомъ-ко мы съ Мироньчемъ оспались при-служивашь ему. И жилъ онъ здѣсь не много не мало шесшь годовъ съ половиною, и пошребовалъ его Князь опяшь на лицо къ себѣ и повелѣлъ ему заняшь прежнее свое мѣсцо *Окольни-*

ше (*). Съ шѣхъ поръ запуспѣлъ сей перемъ; одни мы домыкиваемъ неперъ жизнь свою въ немъ, а о Боярынѣ ни слуху, ни духу, какъ ключъ къ одну стигнула; и дивимся мы: чпо за припча пакая, за чпобъ ей посягнушь на свою Государыню? и гдѣ бы она положила головушку свою, въ чьей землѣ улеглись коспи ея? И жушко, спрахъ жушко случается намъ иногда прислушиваешься, какъ на шой половинѣ кпо-по по ночамъ словно въ набашъ бьешъ, особливо въ шемную ночь, какъ зашелеспишъ дождикъ проливной, да занюшъ вѣспры бурливые....»

» Жена, баба, дура, хозяйка! « восклицалъ Сидоръ Савельевнѣ, опшворяя по немногу дверь и перервалъ шѣмъ рассказы ея.

(*) Званіе, ниже Бояръ и выше Думныхъ Бояръ, по большой часпи вѣдала границы и судъ пограничный, и пр. См. Исп. Тап.

»Чшо пы одурелая, распрыгалась языкомъ-шо?« говорилъ онъ, когда она вышла къ нему въ сѣни. »Знаешь ли, чшо эпо соглядашан, враги наши, копорые нарочно вывѣдываюшъ у себя всякую всячину. Дойдешъ до ярыжекъ, шакъ не опмолишься ничѣмъ.«

»А по мнѣ прахъ ихъ побери!« опвѣчала Савельевна; »мнѣ почшо знашь, кшо они шакіе? Ну чпожъ? я говорила, да не проговорила. Ужъ нелегкое дѣло, будшо не смысло съ швое-шо; пы и самъ давича...«

»Нытъ, смершью искупаемъ славу! Родились вольными и умремъ шѣми же!« вскричалъ Назарій, и Савельевна съ Мироньчемъ вздрогнули.

»Онъ бредишъ,« произнесъ шихонько Захарій, наклонясь надъ соннымъ шоварищемъ своимъ и всмаприваясь въ него; послѣ сего улегся и самъ на шой же лавкѣ.

На цыпочкахъ вкрался Сидоръ въ свѣплицу и спалъ выманивапъ шопоптомъ холопей идши спашъ въ клѣпъ на сѣновалѣ, но они легли у порога; а самъ онъ, указавъ Савельевнѣ на печь, задулъ свѣщецъ, перекрестилъ издали своихъ посполящцевъ и взобрался на палапи, все прислушиваясь, не шевельнешся ли еще кшо нибудь.

ГЛАВА III.

УТРО. КРУПНЫЕ РАЗГОВОРЫ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ. КТО ОНИ ТАКОВЫ. ТВЕРСКАЯ ЯМСКАЯ СЛОВОДА. ЗАПОВѢДНЫЕ ЛУГА. ЧУТЬ ЛИ НЕ БРАНЬ. МОСКВА.

Въ запаомъ огнѣ горитъ зеленой, дальній лѣсъ;
Ужъ солнце на краю пурпуровыхъ небесъ
Роспешъ—и на луга румяный блескъ наводитъ.

В. ТЕПЛЯКОВЪ.

Узорчатые цвѣпки на зеленосочныхъ полянахъ слезились еще перламутровыми блесками дождя, но румяная денница свѣпло уже алѣла на ясномъ небѣ; солнце, заспилаемое пучами, вырвалось изъ нихъ и, какъ бы обрадовавшись своей свободѣ, весело и улыбочиво прогля-

нуло; игриво разсыпались яншарные лучи его и блиспапельно озарили яхонтовый небосклонъ, роскошнымъ балдахиномъ разцвѣченный надъ пробужденною землею; края его коймили розовыя облака, кои солнце облакало отраженіемъ своимъ въ золотистыя вѣнчики. Вспрепенулись пшашечки и взвились къ поднебесью рѣзвыми группами, залившись переключаясь.

Медленно выѣзжали изъ-за сумрачнаго лѣса, на большую Тверскую дорогу, чепыре вершника (*). Одинъ изъ нихъ видный, но пасмурный, сидѣлъ задумчиво, поникнувъ голову шакъ низко, чшо заломъ шапки его, висѣвшій напередъ, не рѣдко чокался съ гривой бодро выпущающаго коня; другой, невысокій, сторбившись и посвисывая, переваливался съ одной стороны на другую, мошая ногами, и сидя шуто набишымъ мѣ-

(*) Верховые.

шкомъ, на мѣлкой лошадекъ, копорая неохотно шрусилла подъ нимъ; прочіе двое ѣхали сзади, съ глупымъ любопытствомъ оглядывая окрестности. Изъ чего можно было понять, что они въ первый разъ еще мнутъ подъ собой эту землю.

»Вопъ и часовня. Должно бытъ, опсюда Московскій рубежъ начинается!« сказалъ Захарій. Товарищъ его поднялъ голову, вздрогнулъ и казался пробужденнымъ (чашапели мои вѣрно уже узнали ихъ), поспѣшно скинулъ онъ шапку, перекрестился и опять задумался.

»Что ты ошалѣлъ, землякъ? али опгь Москвы-по шебя огнемъ обдаешъ? Вымолви словечко, оправь шапку, да покажи молодца! Вишь какъ любо нынѣшнее упря, не какъ вчера: солнышко играешъ ярко, красно,« произнесъ Захарій, опять прервавъ молчаніе.

»У кого на душѣ сумерки, шакъ и въ

глазахъ не заря!» опивчалъ ему Назарій, пропяжно вздохнувъ.

»Знашь, швою удалъ чшо нибудь сковало со вчорашняго—не шевельнешься; напрямикъ угадываю, чшо спарой колдунъ Сидорка уязвилъ шебя, какъ занозами, послѣдними словами о нашихъ!»

— »А шы безъ зазору хлопаешь глазами, когда земляковъ швоихъ поносяшь, именуяшь разбойниками, помышляюшь о нихъ, какъ....«

»Да, а вопшь шы не хлопаль, шакъ у шебя глаза-шо и вышло, какъ дымомъ.

»Знаю, шебя ничшо не берешъ: ни спыдъ, ни дымъ.«

»Въспимо; но чшо крушитесь? Ужь комъ взялся за гужъ, шакъ и не говори чшо не дюжь.«

»А разумѣешь ли, кого шы пещерь предшавляешь въ лицѣ своемъ?»

»Кѣмъ былъ, шѣмъ и останусь: Вече-

вымъ *Дьякомъ* (*) Захаріемъ. А по швоему какъ же?»

»По моему, былъ шы Захаріемъ; а когда окунулся въ купель корыспи, опшуда вышель — Іудой.»

»Гмъ!« произнесъ Захарій съ коварной усмѣшкой, »по эшому мы съ шобой шѣски.»

»Какъ, чернильная гадина!« вскричалъ гнѣвно Назарій, »недомѣрокъ человѣческой пьянелся подѣ мою спашь, или хочешъ окоропишь меня, чшобъ срав-

(*) *Дьяки, діаки, или дяки* прежде назывались *матальниками*. Снз названія вошли въ употребленіе около времени Княженія Владиміра II. Нѣкоторыя производять ихъ опгъ слова *дья*, ш. е. письменное дѣлопроизводство; другіе же, въ особенносши Тапшцевъ, опгъ Греческаго слова *διδάκωνος*, служитель. По знанію грамомы, ихъ особенно почитали и они были въ числѣ *дворянъ*; особенно думные дьяки, кон присушествовали въ *Думной Палатѣ*; ихъ сравнивають съ чномъ нынѣшняго Спашь-Секретаря.

нишься со мною! Господи! до чего я дожилъ!...» произнесъ онъ опчаяннымъ голосомъ, всплеснулъ руками и закачалъ головою.

»Да что ты серчаешь? Я сказалъ это къ тому, что мы цѣлимся въ одну мѣшу!«

»Въ одну, да инымъ образомъ. Я дѣйствую прямо, наступаю на всякаго лицомъ къ лицу; а ты, заспинная шпилька, ты подкрадываешься мѣдяницей, и хочешь быть неслышнымъ! Помнишь ли? Когда двигался я весь, ты только шевелился; когда я развернулся орломъ, ты поползъ шихою змѣею и переръ только хочешь превратиться въ гремучую.«

»Пусть шакъ; да ужалимъ-по мы оба равно.«

»Опецъ небесный!« вскричалъ опять Назарій, возведя пламенный взоръ на небо, »предъ Тобой я весь! Душа моя не пошечна и предъ людьми, колыми па-

че предъ Тобою! Ты видишь, способенъ ли я ужалишь опчизну свою! Родная моя, пущь прежде разсыплюсь я въ прахъ, нежели помыслию шолько чшо нибудь недоброе о тебѣ!»

Долго оспавался онъ въ одинаковомъ положеніи, созерцая любовашельно долины небесныя, въ лазурномъ блескѣ улыбающіяся ему; Захарій пережевывалъ шопомомъ какія-шо слова; лошади двигались медленно; наконецъ Назарій прервалъ молчаніе.

»Охъ! слава Тебѣ, Господи! нашла Тебя моя молишва скорбная, гласъ сердца моего досшупенъ Тебѣ!» произносилъ онъ, вздыхая, какъ на яву, послѣ тяжкаго сновидѣнія. »Ошлегло... на душѣ легче спало! Я не продавецъ опечесшва; я опшвожу его опъ пропасши.«

»Вѣдь и я шожеш!» прибавилъ Захарій самодовольно.

»Ежели совѣсшъ швоя опшшашнулась

опъ шебя, вмѣсто ея разполкую я ше-
 бѣ разницу между нами,« возразилъ Наза-
 рій. »Внемли же мнѣ: ты знаешь, какъ
 чествуюшъ имя мое и доннѣ въ Нов-
 городѣ Великомъ, и во Псковѣ сосѣднемъ;
 и Лашыши (*) держашъ его чпимо, съ
 шѣхъ поръ, какъ зарубилъ я на воро-
 шахъ Нейгаузена крестъ православный;
 даже самой Москвѣ не невѣдомъ я. Когда
 Князь Великій Іоаннъ приперъ ономнѣсь
 крѣпко нашъ городъ кошьями, да берды-
 шами своей рапи несмѣшной, я не по-
 слѣдній подавалъ голосъ на Вѣчѣ, хошя
 послѣдній произнесъ его на казнь слав-
 наго измѣнника Упадъша—вѣчная ему
 памяшъ!—и на мнѣ еспъ пяпнышко чер-
 ное.... и на меня брызнула кровинка
 его! Ты знаешь, правы ли мы были, под-
 нявъ руку на попомка Ярослава Вели-
 каго и на нашего Государя! Чего намъ
 хошѣлось съпшымъ, богапшымъ? Правди-

(*) Ливонцы.

ва поговорка на Руси: *отъ жиру собака бьются*. Накликали мы сами на себя гнѣвъ Божій и мечъ Государевъ. Въ память шебѣ, какъ мы голодали кулаки съ голоду, и наконецъ рѣшились, да просиимъ насъ Господь! въ поспѣ великій ѣснѣ мясо, и чѣ жъ? палыхъ лошадей и собакъ, копорыми не показано пипашься рабамъ Хрисповымъ. Въ это смушное время, не я ли съ Васильемъ Никифоровымъ и съ прочими Боярами и *степенными посадниками* (*),

(*) Названіе, вѣроятно, заимствовано отъ слова *посажениа*, для управленія. *Посадники* уподоблялись Римскимъ Консуламъ или Бюргермейстерамъ Нѣмецкихъ вольныхъ городовъ, или Губернаторамъ; ихъ смѣняли ежегодно. *Степенными Посадниками* называли въ наспоющее время правительствующихъ; отспавныхъ же просто *Посадниками* или старыми *Посадниками*. Нѣкоторые изъ нихъ правили своею должною и многіе годы. Въ военное время ихъ было по двое и болѣе, и они начальствовали войскамъ.

молилъ Князя снятъ осаду съ города и дозволишь намъ, сирымъ, похоронить по обряду шѣла брашій своихъ?...»

» Ихъ и безъ насъ схоронилъ Ильмень (*),« перервалъ его Захарій.

» Для себя конечно все равно: мухали упонепъ въ спопъ, изъ коей пы черпаешь пьянство неблагообразное, землякъ ли швой захлебнешся собственною своею кровію; но дѣло не въ томъ. Не разъ и моя кровь смывала ржавины съ мечей Новгородскихъ, а шѣло зубрило вражескіе. Не пальцами на рукахъ, а волосами на головѣ надобно бы счищать мои заслуги. Но недавно кпо заглушилъ голосъ мой? жена хипрая, баба нечинная, человекъ нецѣлый... Марѳа Борецкая. Кому принуждали меня преклонить

(*) Озеро Новгородское, въ которомъ погонуло много Новгородцевъ во время сраженія съ Юанномъ въ 1471 году.

вью? — Мозгляку, Липвину, бродягъ, содругу ея! Широка рана на груди опчизны; шакъ они еще длиннѣе ея злыми навѣшами на законнаго Владыку своего, да всякими неисповыми проспу-пками! Я сказалъ, что самъ напрашусь у Князя ошъ лица Новгорода Великаго, чшобъ онъ сжалъ его крѣпкой мышцей своєю и наложилъ бы на него праведную десницу. Во что ни спанепъ, избавлю я земляковъ ошъ *своихъ* враговъ, уличу злыхъ, накажу дерзкихъ и послѣ самъ поржеспвенно скажу всѣмъ Новгородцамъ: »я виновникъ вашего счастья, накажише меня,« и если голосъ мой заглохнеть въ крикахъ обвинителей, пущь порговою (*) казнью снимется голова моя съ плечъ; тогда уже я дѣло свое сдѣлаю. — Вопъ для чего согласился я съ побой дѣйспивать за одно, и впервые въ жизни обмазашъ языкъ свой

(*) Публичною.

ложью, какую хопимъ произнеспи предъ Московскимъ Княземъ на своихъ, и навеспи чрезъ по на опчизну одного врага, чшобъ спаспи ее опъ многихъ. Тяжкiя мысли ковали меня, и когда, задумавшись, молча вздыхалъ я, шогда рыдала душа моя. Но шеперь двинулся эшопъ грузъ; иногда, можешъ бышь, и шевельнешъ сердце; но я чиспъ, видишъ Богъ, чиспъ.»

»Мы надѣли кафпанъ одного покроя, соболъзнуемъ однимъ недугомъ и шеперь ѣдимъ изъ одного сосуда, пьемъ изъ одной брашины (*), одинъ и *попоръ* (**) боевой грозилъ на насъ!» сказалъ Захарiй.

»Ну, да слушай же,« перервалъ его Назарiй.»Всѣмъ былъ бы я доволенъ: на душѣ свѣшло, на сердцѣ легко; шолько вопъ

(*) Изъ копорой пивали всѣ, цѣлое общество.

(**) Тогда рубили головы попоромъ.

съекшился съ побой; но шы думаешь, развѣ я не узналъ, какъ наушилъ тебѣ Московскій Намѣспникъ, что Великій Князь одарилъ тебя щедро въ Москвѣ; онъ мѣпилъ тебя на поклонъ къ нему, какъ вѣчеваго дьяка, зналъ, что это имя щекотливо. Такъ-шо! хопь опъ рукъ твоихъ не пахнешь, но я знаю, что онѣ давно уже помазаны Московскимъ золопомъ....«

» Спало бышь, и шы знакомъ съ нехистыми, что все знаешь?...«

» Молчи же! Хопь нушрь души швоей шемень, ~~какъ дно~~ чернильницы, однако черноша пробивается иногда и наружу. Бышь шакъ, докончу я наше дѣло, додвину гору на плечахъ своихъ, а шамъ пойду поклонилъ къ могилѣ Св. Саввалія (*), ежели полько молилшвы

(*) Въ Соловецкомъ монастырѣ, который особенно чшили Новгородцы. Имъ онъ былъ извѣстнѣе потому, что къ Новгороду находится ближе, нежели ко всемъ другимъ Русскимъ городамъ.

заслупника Божія спасушь меня оупь смерши.... Услыши, Господи, обѣщъ мой и помоги исполнитъ оный!»

» Вонъ и Москва показывается!» про-
изнесъ Захарій, выпянулся, расширилъ
глаза и всѣ, вперивъ любопытные взо-
ры свои въ опдаленіе, спали вглядывашь-
ся. Исполицъ-городъ, Колосъ Россіи, Мо-
сква золопоглавая, вдругъ кинулась въ
глаза любующихся ею путешеспвенни-
ковъ и ярко заблнспала предъ ними
свѣшлыми маковками своими. Солнце
вскапывалось на обширное поле неба,
разроспалось и разсыпало сіяніе свое
на креспы храмовъ, копорое, любуясь на
нихъ, развершывало ослѣшптельную па-
нораму приближающимся; позлащенныя
креспы, казалось, сошканы были изъ
сливцихся искръ солнечныхъ, или цвѣ-
ли въ лучахъ его. Вдругъ послышался
оупь Москвы звоиъ церковнаго колокола,
другіе подхващили его—и разлился шор-

жеспвенный̄ благовѣспъ къ обѣднямъ по всей споллицѣ.

»Кажись, нынѣ не Воскресный̄ день? Развѣ празднесиво какое, чпо пакъ звучно гудяпъ колокола въ Москвѣ?« сказалъ Захарій, снявъ шапку свою.

»Свяпый̄ угодникъ Божій: Иоанне! помози намъ, благослови прїѣздъ нашъ! « произнесъ Назарій, креспясь и, послѣ оборопясь къ Захарію, сказалъ: »Развѣ ты не знаешь, чпо нынѣ день усѣкновенія главы Предпечи? А еще книжной человѣкъ!

»Да вѣдъ въ нашихъ *дѣловыхъ* книжицахъ не значипся роспись Свяпыхъ,« отвѣчалъ Захарій. »Эй, дядя!« закричалъ онъ въавшему вдали по проселочной дорогѣ креспьянину, или по погдашнему, *смерду*, съ возомъ сѣна, »какъ бишь прозывается эша пригородная слобода, къ копорой мы подѣзжаемъ? «

»Спасибо, Бояринъ,« донесся до нихъ голось креспьянина; »пушь-дорога и вамъ!«

»Москва не глушь, а люди въ ней не-
слухи!« проговорилъ съ досадою Захарій.

Подгородныя деревушки и пригородныя
слободы Московскія пшнулись длинными,
кривыми и почпи всегда грязными ули-
цами, одна опъ другой не въ дальнемъ
разспоянїи: перемежки между ими были
менѣ полуверспы. И слободы опшчла-
лись опъ деревушекъ пѣмъ, чпо пер-
выя были обширнѣе, чище, новѣ спро-
енїями и вообще красивѣе послѣднихъ;
сверхъ шого первыя принадлежали ка-
знѣ, чпо можно было примѣпшпъ по
будкамъ (*), находящимся въ каждой сло-
бодѣ по одной; нѣкоторыя изъ нихъ, при-
легающїя къ самой Москвѣ, соспавляли
часпъ оной; опъ шого онѣ назывались
пригородными.

Переѣхавъ нѣсколько шакихъ дереву-
шекъ и слободокъ, вѣзжали пупешесп-

(*) Копорыя шогда служили жндшцемъ нижнихъ
чиновъ полицїи и подъячихъ.

венники въ одну большую слободу, въ ко-
 шорой жизнь кипѣла болѣе дѣятельнос-
 тью и многолюдствомъ; поминутно мель-
 кали предъ ними жилища ея: кпо съ ко-
 ромыслами полныхъ ведеръ съ водою, кпо
 съ кузовками спѣлыхъ ягодъ, и всѣ раз-
 одѣтые по праздничному: мужики въ си-
 нихъ зипунахъ, копорые охвачены бы-
 ли разноцвѣтными опоясками, за копо-
 рыми зашкнупы были широкія голицы;
 на головахъ ихъ возвышались шапки
 съ овчинною опушкою, на ногахъ жел-
 тѣлись лапши; нѣкопорые изъ нихъ
 шли гульливо на распашку и сквозь зи-
 пуны ихъ видѣлись красные сурки
 и душыя мѣдныя пуговицы, прикрѣпля-
 ющія косые ворошы рубашки; бабы же
 въ песпрядевыхъ поневахъ, въ рогашыхъ
 кичкахъ, окоименныхъ спеклярусовыми
 поднизьми—кпо былъ изъ нихъ позажи-
 почнѣ, а сзади злаповышитыми под-
 запльниками. Всѣ встрѣчные и попе-
 речные нашимъ путешественникамъ

низко и привѣпливо кланялись, приговаривая: »Пушь дорога, Бояре!« А сіи имъ: »Богъ въ помощь!« Спасибо—слышалось съ обѣихъ споронъ. »Съ праздникомъ поздравляемъ!« Опяшь: »спасибо, спасибо!« Одни полько ребяпишки, всклокоченные и неумытые, пузашые, подпоясанные подъ самое брюхо веревками, спуся рукава, попрыхивали ими и, держа большія краюхи хлѣба въ рукахъ, жевали ихъ и изъ любопытства, свойственнаго ребячеству, гнались за пупешественниками, счиная за диковинку явленіе хорошо одѣтыхъ людей въ ихъ селеніи; а нѣкопорые изъ нихъ, привлеченные гикомъ ровесниковъ своихъ, высовывали головы въ щели оконницъ, попомъ въ подворопни, и, заскрипя медленно опворяющимися ворошами, уськали на нихъ собакъ, копорья, лежа на завалинкахъ хибаренокъ своихъ, лѣниво бадали на чужихъ, поднимая рыло; щенки же ихъ заливались пискливымъ лаемъ,

бросались подъ ноги лошадамъ, играли съ ребяшамн и ловили крошки хлѣба изъ рукъ ихъ; порой перебѣгали дороги пупешеспвенникамъ свиньи съ своимъ семейспвомъ и сулпанъ-пѣшухъ съ женами, кропоча, чпо ихъ спугнули съ песчаныхъ гнѣздъ, въ кошорья онѣ закопались, пригрѣпшыя солнышкомъ, а его съ колодезнаго сполба владычеспвенно сидѣвшаго подлѣ бадьи, вздергнувшаго вверхъ испивающій изъ нее носъ свой, и порой разносчиво перекрикааясь съ соперниками своими, дозорливо окрикаая спакже проходящихъ и проѣзжающихъ.

Любуаясь эпой карпиной, медленно проѣзжали наши пупешеспвенники длинную слободу, Вдругъ огласиль ихъ гольсь. »Не изволише ли оспановипшься, Бояре, да дашь передохнушь живошамъ своимъ и покормишь ихъ—вишь какъ они упарились!«—Да и самимъ бы перкусишь чего нибудь,—кричалъ одинъ мужикъ, под-

бѣгая къ пупешеспвенникамъ; завидя ихъ издали, онъ кланялся, горбился, поднималъ голову, выпрямливался и распряхивалъ поминушно свои волосы. — » У мѣня бураки изъ свѣжей свеклы,« кричалъ другой, забѣгая впередъ. » У меня щи изъ кочанчашой копусшы; у меня папушнички пухленкіе, горяченькіе, полько чшо съ пылу; у меня пышки подовыя съ сышой,« — закричало вдругъ нѣсколько голо- совъ, окружа ихъ.

» Нѣтъ, брашцы, благодаримъ за приглашеніе: намъ привалъ въ Москвѣ,« говорилъ ласково Назарій упрасивающимъ его.

» А у насъ-шо чшожь? развѣ иной городъ?« сказалъ одинъ, примѣшно обидясь. — » Пуспъ ихъ добираюшся до *Загородья* (*), аль до *Посада* (**): шамъ подороже

(*) Гдѣ нынѣ Бѣлый городъ.

(**) Гдѣ нынѣ Земляной городъ.

поплапашся, «сказаль другой. — » По насъ хошь за Посадъ, шолько шамъ пеперь порожняго угла не найдешъ; въ избѣ и душно; да она же и бишкомъ набиша, а за чиспую свѣшлицу опдашь полгривны на день за поспой.»

» Не шпо!« произнесъ шрепшій сквозъ зубы, »не въ Кремль же ихъ, пущашъ ради нынѣшняго дня: шамъ и безъ нихъ много прѣзжихъ, шакъ чшо и маковой росинки не гдѣ упасъ.»

»Если вы хошите, добрые люди, угоспите насъ,« сказалъ Захарій, »по вынесите намъ по ковшу квасу.« Мигомъ бросились нѣсколько человекъ къ домамъ своимъ, принесли его цѣлой жбанъ и, зачерпнувъ ковшикъ, подавали ему, Назарію и холопамъ ихъ, увѣряя, чшо квасъ былъ взявъ съ ледника и шакой холодной, чшо, шолько глядя на него, всѣ зубы ужъ изноющъ.

» Ну, шеперь закусите, Бояра, бѣлымъ

колачикомъ. Чай, проглодались; ужь обѣд-
ни позднія, а нынѣ вы навѣрнякъ ниче-
го еще не вкушали; замориле червячка;
намъ грѣшнымъ людямъ еще рано, грѣ-
шно; а вамъ дорожнымъ Богъ проспишъ,«
говорили нѣкопорые, насильно-впирая
имъ въ руки калачи. Назарій кинулъ
имъ за по нѣскольکو *кунъ* (*) и поѣхали
далѣе.

»Ну, брашъ, ужь о сю пору Москвичи
оказывающа; видно, что не промахи,
умбюшъ деньгу нажившъ, а наживную
беречь! Чпо-шо будетъ далѣе?« сказалъ
Захарій, почесывая запялокъ.

»Про какихъ-шо прѣзжихъ разгуща-
рились, вишь для нынѣшняго дня, чпо-
бы это означало?« спросилъ Назарій.

»А Богъ вѣспъ; въ новой Москвѣ и
новоспей много,« отвѣчалъ Захарій.»

»Ужели еще Москва все обновка на Ру-
си?« спросилъ Назарій.

(*) Кунъ считалось 25 въ гривнѣ.

»Вѣспимо, въ сравненіи съ Киповой (*), копорая шеперь на позоръ всѣмъ Русскимъ оспалась за Липвой, а наипаче съ нашимъ Великимъ Новгородомъ,« — сказалъ Захарій.

Назарій, молча, вздохнулъ.

»И попчуюшъ-шо насъ все поспнымъ, хошъ сами-шо, кажись, не шаковы,« продолжалъ ипошъ. »Да, вѣдь нынѣ *заказной день-то* (**)« вскрикнулъ онъ, спохвапясь; «ни на круглое, ни на масляное нѣтъ показанія ѣспь!»

»Да, говоряшъ,« опвѣчалъ Назарій, »эшо пошому, будшо въ писаніи значишся, чшо въ честь опсѣкновенія главы Св. Предпечи Іоанна, заказано упошребляшъ для снадобья чшо либо круглое: ибо, самъ знаешь, голова-шо челошвѣческая кругла, шакъ, чшобъ не съѣспъ въ сей день чшо либо похожее на нее и не порадовашъ враговъ Хришшовыхъ.«

(*) Съ Кіевомъ.

(**) Поспный.

» По этому хопь бы и въ родишельскую субботу случился день сей, шакъ грѣшно бы было помянуть родныхъ грѣчевыми блинами?« спросилъ Захарій.

Назарій улыбнулся и, шракпуя шакимъ образомъ, доѣзжали они послѣдній конецъ слободы, гдѣ шолько вздумалъ спросить Захарій у дюжаго парня, ѣхавшаго имъ на встрѣчу съ веревочной уздой въ рукахъ, пробираясь на полдни: »Молодецъ! какъ прозывается ваше селеніе.— »Тверская Ямская слобода, Бояринь! Здѣсь у насъ беруть лошадей на подшаву,« опшвѣчалъ сей, поклонясь и проѣзжаячи.

»Эй! держише прямо! Куда заворачиваете-шо?« вскрикнули на нихъ съ большой поляны, на кошпорую было они ушпремились ѣхашь, нѣсколько человекъ, махая дрекольями.

Эшо восклицаніе касалось болѣе до Захарія, ибо онъ ѣхалъ впереди и, сво-

рошя съ большой дороги, поворачивалъ на обширную долину, и хопѣлъ въѣхашъ на нее чрезъ покосившійся въ одномъ мѣспѣ плепень, кошорымъ она была ограждена. Трава на ней была въ нѣкошорыхъ мѣспахъ по колѣна лошадямъ, гуляющимъ и рѣзвящимся по раздольному лугу, кошорыхъ сперегли люди съ кнупами за кушаками и съ подспыми дубинами въ рукахъ.

»Слышишь?« сказалъ Назарій, шупя, изумленно оспановившемся Захарію ; »шебя и здѣсь почишають вороной, что посылають все прямо, хопя шы привыкъ къ *косому* шагу.... Да и на чпе? Дорога, какъ скашерпъ, выспилаешся предъ нами, а онъ пускаешся въ синорону, да въ бродъ.«

»Ужъ эша Москва куда какъ щепильна, да чопорна!« заворчалъ про себя съ досадою Захарій. »По ней и среди бѣлаго дня, хеди ошупью, да на цыпочкахъ

А почему жь не полюбовашься, да не разгуляшьяся и мнѣ здѣсь?» опрошаль онъ спорожей.

»Хароберь шы больно!« закричалъ ему одинъ изъ нихъ издали. Вѣдь эпо *заповѣдныя луга*, а на нихъ пасушьяся *заводскіе кони Велико-Княжескіе*. Коль хошь, разѣзжай супрошивъ, да любуйся, а за грань не опшваживайся!»

»А не шо коня швоего на повалъ вошь эшимъ,« говорилъ другой, шряся дубиною, »а самага предшавимъ, куда слѣдуешъ. Мы шакой наказъ имѣемъ!«

»Полно пущословишь съ ними!« сказалъ Назарій, продолжая пущъ; а Захарій, неохошно слѣдуя за нимъ, продолжалъ ворчащъ: »Ѣки охальники, рабы, не умѣюшъ распознашь бѣлаго съ чернымъ, не знаюшъ, какъ довлѣешъ чшишь людей.«

Немного погода, при вѣздѣ въ одну

улицу, показались на ней рогатки, опдвинутыя съ дороги въ спорону, и означающія начало наспоющаго города, хоща называлось тогда эшо мѣшо Загородьемъ.

Оглядывая приспально около себя окреспныя мѣща, Захарій продолжалъ говорить: »Вошь мы и въ Москвѣ! Да какъ она разрослась, разубралась, раскинулась на всѣ спороны—и узнать ее не лзя! Помнишь мнѣ, прежде спояли шупъ избенки, въ иныхъ мѣщахъ одна ошь другой на перелешъ спрѣлы, а нынѣ какъ будшо всѣ подь одной крышей. Красиво, хипро все успроено, полько народъ-шо не привѣшливъ.« Назарій, пакже приспально всмаприваясь въ Москву, не вслушивался въ слова его, пошому и не возражалъ на его замѣчанія, занимаясь созерцаніемъ предметовъ для него еще новыхъ.

ГЛАВА IV.

ОПИСАНИЕ МОСКВЫ. ССОРА И ОБОЮДНЬЯ ОБИДЫ. НѢСКОЛЬКО ЗАБАВНЫХЪ ПРИКЛОЧЕНІЙ. ОБЪЯСНЕНІЕ ОСОБЕННАГО ПРАЗДНЕСТВА ВЪ МОСКВѢ.

...Заплачу

Дань спаринѣ — и ворочу
Давнымъ давно былые годы.

II. ШЕРЕМЕТЕВСКІЙ.

Прежде меня была описана древняя Москва; но почемужъ и мнѣ въ свою очередь не сказать, что она погда звалась еще не древнею, а юною и новорожденною? Громады деревянныхъ спроеній ея, безъ симметріи, безъ вкуса, кой гдѣ шянулись рядами и соспавляли кри-

была, неширокія улицы, копорыя вдругъ
 двоились опть перемовъ и церквей, вы-
 спроенныхъ посреди ихъ. Глухія, непро-
 ходимыя переулки оканчивались попе-
 речными зданіями шакже перемовъ, Бо-
 ярскихъ *вышекъ*, высокыхъ заборовъ со
 шпильками вверху въ угрозу ворами, ко-
 шорые бы вздумали лѣзть чрезъ нихъ,
 и каменныхъ церквей съ большими пу-
 сшырями, заросшими крапивою и чах-
 лымъ репейникомъ, изъ коихъ нѣкошо-
 рые рябились могилами, на коихъ
 мелькали выкрашенные креспы и бѣ-
 лые поросшіе мхомъ камни. Самыя же
 зданія казались болѣе безобразнѣе попо-
 му, что подлѣ двухъэтажныхъ хоромъ,
 обнесенныхъ шесовой оградой, споя-
 ли, избоченясь, низкія, сгорбленныя и
 подичалыя опть времени избы, нѣсколь-
 ко жердочекъ часпокольника, переплепен-
 ныхъ пруньями, во многихъ мѣспахъ
 припадающихъ къ землѣ, ограждали ихъ.

Не только посреди Москвы были шѣ-

ниспья рощи, полные пруды, озера и зеленые волнистые луга; но почти каждый Бояринъ и зажиточный человекъ имѣлъ на своемъ дворѣ садъ, состоявшій тогда изъ толпы густыхъ, широкоствѣнныхъ деревьевъ, въ томъ числѣ яблонь, но изъ коихъ были по большой части дикія; чрезъ пынь сада переваливали головки свои спашные подсолнечники, песпрились гирлянды разноцвѣтнаго мака, ногопковъ и пр. Въ саду были еще рыбные пруды; чиспья, зеркаловидныя, цвѣшиспья лужайки, ульи пчель и др. Богашство и роскошь Боярь соспавляли еще божницы, въ которыхъ находились иконы въ богашыхъ серебрянныхъ и золошочеканныхъ окладахъ; многія спроенія на дворѣ, какъ шо: часовни, анбары съ запаснымъ хлѣбомъ, кладовыя съ желѣзными дверями и подвалы, темныя особыя свѣшлицы, вышки, мыльни (*), голубяшны, пол-

(*) Бани. Простой народъ мылся въ печи, что и теперь еще водится между простолюдными.

спые, необъемиспые сполбы съ бли-
спяющими на бокахъ ихъ мѣдными коль-
цами, на копорыхъ заспольные госпи
хозяевъ вдѣвали удила коней своихъ; дво-
ры, гладко вымощенные бревнами, сна-
ружи навѣсы на воропахъ, а подъ ними
иконы; далѣе глубокіе погреба съ крѣпки-
ми медами и винами Греческими и Фряж-
скими, нарядная одежда изъ шелка
и узорчашыхъ нашивокъ золошыхъ и
драгоцѣнныхъ камней, и наконецъ мно-
жесво слугъ (по шогдашнему рабовъ)
или холопевъ, обѣльныхъ, закобаленныхъ
и закупныхъ (1).

Имущесво же бѣдныхъ огнищанъ
(2), купцовъ, черныхъ сопенъ и слободъ
(3) посадскихъ, половныхъ (4) и прочихъ

(1) То еспь, крѣпосныхъ, вѣчно, на время и на-
няпыхъ.

(2) Равная спепень нынѣшнимъ мѣщанамъ.

(3) Такъ назывались продавцы мѣлочныхъ пова-
ровъ.

(4) Цеховые или масперовые люди.

людей, соспояло изъ вешкихъ хибаренокъ съ соломенными крышами; а внупри двора ихъ малой учаспокъ земли, на коемъ виднѣлась жердь съ веревкою и бадью подлѣ колодца, да длиннѣлись гряды съ капустою, свеклою, рѣдкою, морковью и съ другими огородными распе- ниями. Теперь оспались почти полько нѣкопорые храмы, на копорыхъ не оспыли еще слѣды глубокой древности родной спороны нашей. Еспь, правда, многое и шеперь, но полько подъ спарою фирмою, они красуюшся уже въ новой одеждѣ.

Немолчный говоръ шумной Москвы раздавался и погда, особливо въ попь день (причина чему объяснишся ниже). Жизнь и дѣяпельность укоренены были въ ней и погда, особенно на шорговыхъ площадяхъ. Нѣсколько времени уже оп- выкпиа уши Назарія и Захарія опъ подобнаго гама, насилу сперпѣвали его. Оба они сперва ѣхали молча; послѣдній

надувался, сплюскивалъ глаза, распакивалъ шерликъ свой, чшобъ выказатъ серебряную рукояпку ножа, и принималъ на себя всѣ мины важности, чшобъ казаться знашнымъ; но первый опять поникъ головою и задумчиво сказалъ: »И между всѣми, одинъ я, какъ въ пуспой храмнѣ!«

Захарій, не слушая его, говорилъ: »Москва море, а прихлебнушь нечего; инда въ ропу запеклось ошъ жара и пыли, кошорую Москвичи намъ въ глаза запускающъ, а напишся хопъ искомици, ни у кого не допросишся. Вишь они нынче и сами-по, какъ угорѣлые, бѣснующся; а чшобы это значило, Богъ вѣспъ!«

Народъ въ самомъ дѣлѣ вездѣ шолпился разряженными вереницами, направляя пупъ свой къ Кремлю; невысокія колымаги и возки, снаружи разкращенные разными цвѣшами, а внутри обштые Голландски-

ми кожами и бишкомъ набитые сѣдоками, гремѣли пакже шуда, насилу пропалкиваясь между народомъ, полпы кошораго раздвигались вершниками, ѣдущими напередъ повозокъ. Чередъ дошелъ и до нашихъ путешественниковъ.

»Поспоронись! берегись!« кричали имъ. Жребій палъ на Захарія: сильною рукою взявъ одинъ вершникъ за удила лошадь его и своропилъ къ споронѣ.

»Слушай ты, охальникъ! я опрокину себя и съ лошадью,« вскричалъ на него чпшмой дьякъ Новгородскаго вѣча и замахнулся....

»Спой! кпо шупъ озаричаешъ?« раздался хрипучій голосъ изъ колымаги поцеголевавшій прочихъ возковъ, проводникъ коей успѣлъ увернуться ошъ опускавшася удара обиженнаго Захарія.

»Экой ты неповорощъ!« сказалъ Назарій Захарію, и цакъ ловко ожегъ нагайкою сего дерзкаго слугу, кошорый, опгѣхавъ

опгъ Захарія, ловилъ за поводъ лошадей Назарія, чпо чупь не вышибъ его изъ сѣдла.

Въ это же время Захарій отвѣчалъ вопрошавшему его голосу: »Не шебъ скажу, кпо я шаковъ!«

»Держише! вяжише ихъ! въ кандалы, да въ будку. Одинъ замахнулся, другой ударилъ, оба равно виновашы,« кричалъ, задыхаясь, голосъ изъ колымаги. »Эй! земскій ярыжка!« продолжалъ онъ, »допросика, чпо это за чужеземная гольдѣба?«

Рыжій, краснорожій, угряспый, съ сѣрыми кошечьими глазами и съ крючковапымъ носомъ человекъ, бѣжалъ уже на мѣсто ссоры съ подняшой палкой при первомъ слухѣ ссорившихся, и узнавъ шого, кпо кричалъ ему изъ колымаги, подбѣжалъ къ нему, сорвалъ съ себя мохнашую шапку и шакъ низко поклонился зовущему его, чпо одна изъ запряженныхъ лошадей въ колымагу, бывъ укушена слѣпнемъ, смахнула его хво-

спомъ своимъ и опледа кспаши ярыжку прямо по рожъ.

Любопышный народъ, любящій глазѣшь на каждое произшеспвѣ, и въ эшо время шѣсной кучей обспаль героевъ се-го приключенія. Грохошно раскапился хохощъ его при дружескомъ обращеніи невѣжливой лошади съ полицейскимъ приспавомъ, съ шогдашнимъ рачишелемъ общеспвеннаго спокойспвія.

»Какъ она его привѣшила, приголубила, начала охорашивашъ, инда облизнулся!« раздались народныя оспрошы въ одной споронѣ.

»Вѣспимо, свой къ своему ласковъ!... Она согнала съ него жука, копорый было осѣдалъ его носъ!« говорили другіе.
»Правда, правда! навозные жуки всегда садяшся на навозъ, да на гадину!« кричалъ еще кшо-шо.

»Нѣшъ, неправда!« подхвашилъ другой.
»эшопъ нечоса испугалъ ее, какъ домо-вой въ спойлъ!«

»И пы врешь! конь не испужался, а почуялъ спорожа своего опть домовыгхъ,« послышался голось на другомъ концѣ.

»Да онъ ни кому спуску не даешть: сломаешть и лошадь и чорпа! Не пощадишть и опща роднаго. Онъ и съ ободраннаго шкуру сдерешть. Развѣ у ихъ брашья ешть опецъ? Ихъ вѣдьма въ спупѣ высидѣла; чоршъ съ хвоста спрахнулъ, когда лепѣль въ преисподнюю! « проголосилъ народъ въ разныхъ споронахъ; но — надобно замѣништь—сзади и издали; а кпо былъ поближе къ нему, шѣ смѣялись изъ подпешка.

Между шѣмъ полешный и пузашный ярыжка плясалъ предъ колымагой на коропенькихъ ножкахъ своихъ, кланяясь извѣспному ему Боярину и временемъ оборачиваясь къ народу и показывая ему насученные кулаки и палку съ угрожающимъ видомъ; а между народомъ нѣкопорые изъ-за спины другихъ дѣлали

ему рожи, наспавляли носы, высовывали языки и проч.

»Вѣдь ты знаешь меня? Знаешь, чья власъ у меня въ рукахъ? Слышалъ чпо я наказывалъ тебѣ?« спрашивалъ Бояринъ изъ колымаги ярыжку.

»Какъ?... тебѣ?... Кто тебѣ не узнаеть, Григорій Лукьяновичъ,« ошвѣчалъ сей, приосамясь. »Ты.... ты....«

»Да слышалъ ли, чпо я тебѣ наказывалъ-шо, глупая шварь?«

»Какъ же, слышу, слышу, Бояринъ. Ты нашъ Владыка, наказывалъ слушаешь себя. Прикажи, шакъ услышу.«

«Экой олухъ, проспофиля, чурбакъ не шесаный!» закричалъ раздосадованный Бояринъ и плюнулъ ему въ лице, ошъ чего оно покривилось у ярыжки и сморщилось, какъ головка у сморчка.

»Чпо! шеперь съежилась харя-шо, какъ печеное яблоко?« закричалъ народъ. »Теперь не облизываешься? Видно, эшо не мър-

скія слезы, обдирало, облупало! — Нашла коса на камень, шакъ назадъ подалась!»

Назарій невольно улыбался; Бояринъ сердился и напрасно приказывалъ всѣмъ молчать; Захарій хохоталъ опъ души, а холопи ихъ, выпятивши глаза, смѣялись безъ умолку. Крики, смѣхи и говоръ народа, слившись въ одинъ звукъ, сославили шакой дикой и громкой разладъ голосовъ, чшо приспыженный ярыжка насилу разслыхалъ себѣ повелѣнiе опъ Боярина допросить поспроже чужезцевъ (шакъ онъ называлъ путешественниковъ).

Ярыжка окунулся головой почши подъ самую кольмагу въ знакъ повиновенiя и, вынырнувъ опшуда, поднялъ носъ, какъ пьющая пшца. Послѣ шопчасъ подскочилъ къ Захарію, кошорый успавилъ прошивъ него обѣ руки. Назарій, зная храбросшь своего шоварища, не выдалъ его, чшобъ не осрамышъ шѣмъ и свою чеспь: онъ нагнулся, шлепнулъ

ярыжку по носу птяжелой галицей своей и вскричалъ: »Кпо осмѣлился оскорбишь словомъ или дѣломъ Новгородскихъ Сانونниковъ, пошь даспть спрогой опвѣшь предъ самимъ Великимъ Княземъ!«

»А! Новгородскіе червяки! Копышились, копышились, да какъ не пошянуло на ихъ спорону, пакъ и съ поклономъ къ намъ!« сказалъ язвипельно Бояринъ.

» Не къ шебъ, ме къ народу вашему, а къ самому Іоанну Васильевичу ѣдемъ мы опкланяпсья за его поклонъ,« опвѣчалъ гордо Назарій.

» Спанепть онъ кланяпсья шакой челяди, голыдѣбъ, своему народу!« произнесъ презришельно Бояринъ.

» Чпо правда, шо правда! Вошь пакіе волы, какъ шы, когда опкормили свои живошы нашимъ хлѣбомъ, а кисы начинили Новгородскимъ золопомъ, пакъ мы же и спади голыдѣбы,« возразилъ ему Назарій.

» Такъ за чѣмъ же вы сюда пріѣхали? Собачишься? Аль просишь запласть на зипуны свои? Аль помогашь юродивымъ нищимъ глодасть коспи, копорья оспаюся послѣ насъ? Аль собираешь крошки?...« гнѣвно спрашивалъ Бояринъ.

» Оглоданное глодасть нечего,« перервалъ его Назарій; »а за неогладанную коспь вы сами перегрызешесь; да и крошекъ-то не найдешь шамъ, гдѣ много шакой саранчи.«

» Я опшвѣчаю Князю!« завопилъ взбѣшенный Бояринъ: »заклепашь ихъ въ желѣза.« Оглянулся, но ярыжки уже не было. Въ то время, когда Назарій своропилъ было ему носъ опшвѣсомъ удара галицы своей, какой-то на смѣшникъ подкрался къ нему и сунулъ ему мершваго щенка въ шапку, копорую онъ не смѣлъ надѣсть при Бояринѣ, и держалъ опущенную съ ней руку низко и рабодѣпно; шапка ошъ внезапной и нележкой поклажи шмякнулась на

землю, а разобиженный приспавъ погдашней полиціи не смогъ уже выперпѣшь послѣдняго сего нападка народнаго и кинулся за озарникомъ въ толпы, примѣпя его, а народъ вдругъ опхлынулъ опъ сего мѣспа и прыснулъ опъ него. Послѣ, когда онъ пробѣжалъ, погнались всѣ за нимъ посмопрѣпъ, чѣмъ кончипся сіе позорище, а сами начали взвивапъ ногами покинутую шапку его.

Вершники Боярскіе, бывъ увлечены и толпою и собспвеннымъ любопытспвомъ, поскакали за народомъ, и Бояринъ, испоцпившись въ крикахъ, заглушаемыхъ многими другими, съ быпенспвомъ и ругашельспвами оспавиль пупешеспвенниковъ, закричавъ возничему своему: »Пріударъ скорѣ въ Кремль: ужъ шамъ давно опспрезвонили; а эспихъ выходцевъ я добду, хошь бы укрылись въ подземную!«

» Проваливай самъ-шо, пока цѣль,« ворчнулъ Захарій, вдругъ сдѣлавшійся смѣ-

лымъ по опгъздѣ его и долго перебра-
 нивался издали съ уѣзжающимъ, и
 даже самъ пригрозилъ ему. Топшъ по-
 ѣхаль прямо, а взбодрившійся Захарій
 не хопшлъ рисковашъ собою, погнавшисъ
 за нимъ, и опсправился за поварищемъ
 своимъ, копорый хопшлъ позабавишъ
 зрѣлицемъ правли ярыжкиной, задыха-
 ющійся голосъ копораго слышался въ
 споронѣ съ дороги.

Тверской рынокъ загроможденъ былъ
 шѣлегами съ шорчавшими къ верху ог-
 лоблями, на коихъ висѣли шапки шор-
 говцевъ, мошались кушаки и збруя кон-
 ская; лошадей они выпрягали, распоря-
 жаясь спояшъ на своемъ мѣспѣ цѣмой
 день для выбарышиванья своихъ шова-
 ровъ. Они съѣзжались сюда изъ подго-
 родныхъ деревень и изъ самой Москвы;
 изъ-за пазухи каждаго шорчали ручки
Московского калача, копорыми и шогда
 шеголяла и славилась Москва, а они спо-
 койно посиживали на колесахъ воевъ

своихъ, сперегли ихъ, и подкликали проходящихъ къ шоварамъ своимъ, со-
споящимъ изъ луку, чесноку, моркови,
спручьевъ, свеклы, капусты и проч.
Кой-гдѣ мимо ихъ мелькали лукошки, ку-
зовки и береспянки, полныя ягодъ: бру-
сники, земляники, куманики, смородины;
пакже лопки съ гречниками, калача-
ми, пышками и пряниками, съ соленою
и копченою рыбою, плепушки съ яица-
ми, и наконецъ кувшины съ солодовы-
ми и кислыми квасами.

Народъ расхаживаль по рынку взадъ
и впередъ, какъ и шеперь; что нужно
было, покупаль, чего не нужно, обходилъ
мимо.

Собрания шорговья были особенно
многолюдны по воскреснымъ днямъ и по
годовымъ праздникамъ. Къ дополненію
описанія сего шорга, необходимо долж-
но прибавишь, что не однѣ шѣлеги со
съспными припасами запружали ры-
ночную площадь; на ней, по обѣимъ

споронамъ дороги впереди шѣлегъ раскинушы были рогожи съ нѣкопорыми погдашними произведеніями, какъ-по песпрядью, песмою, кошами, черевиками и проч. (два послѣдніе шовара сіи были уважипельнѣе первыхъ), и въ заключеніи, шолпились продавцы съ вязанками лапшей. Не одно зрѣлище роскошно было погда для покупщиковъ, но и вкусъ ихъ услаждало вышеписанное, да и обонянію не мѣшалъ запахъ дегпя, неоплучно находящагося въ подобныхъ собраніяхъ.

На эпошѣ-по рынокъ припустился опгъ ярыжки обидчикъ его, легкой и бравой молодець, искусно лавируя опгъ шучнаго карашыша, на силу переваливающаго брюхо, или лучше сказашь, брюшной привѣсокъ свой.

»Мышиной спароста! Волчій зубъ! Сморчковая рожа! Изразцовая харя! Смотрише, онъ скоро захлебнешся жиромъ; ужь першишь. Чу! какъ ухаешь! Вид-

но, на подспавкахъ-шо своихъ не далеко проскачешъ. Недвига, эй! лягъ на брюхо, лучше будешь: пойдешъ, какъ на колесахъ! Усь, усь, усь! чужой, чужой! сакай его! Вошь шакъ, шакъ! Э! чпо взяли! грибъ съль! Ожогся! Пявица, клець прокляшой!» кричали ему въ слѣдъ шолпы народа, бѣжавшія за нимъ и весело перекликавшіяся между собою.

Въ самомъ дѣлѣ, забавно было видѣшь, какъ уверпливой малой обманывалъ его на каждомъ шагу: шо припускался опъ него рѣзво, шо хромалъ нарочно, и когда ярыжка гоповъ былъ наспичъ его, вдругъ уверпывался онъ въ спорону и опяшь припускался и, опбѣжавъ, оберпывался къ нему лицомъ, дразнилъ его, казалъ ему шиши, а самъ скакалъ на одной ногѣ, не далеко опъ него. Вошь разобиженный хваталъ уже его; вдругъ соперникъ присѣлъ, проскакнулъ у него между рукъ, а обезсиленный и успалый

прыжка, сжимая воздухъ, перевѣсилъ и грохнулся въ разпяжку на землю.

Нѣскольکو гречниковъ, луковиць, морковокъ и прочаго запаса, лихоимно собраннаго имъ съ рынка, при семъ случаѣ просыпалось у него изъ пазухи и раскапилось по дорогѣ....

»Ай да! — Чшо, послушался, легъ? — Ну, поѣзжай, поѣзжай! Не вспавай, не вспавай, промѣшкаешь! Поди сюда, мы поднимемъ! Вошъ несправедно нажипое-шо не даешся въ руки!« начали кричать опятьъ всѣ съ удвоеннымъ хохотомъ. Пуще бѣшенства заклопало въ душѣ прыжки: каждая насмѣшка спрѣмой разила слухъ его; споржесство побѣдишеля, съ воплемъ радоеши бьющаго въ ладоши предъ нимъ, все эшо возродило въ немъ новыя силы. Довольно скоро приподнялся онъ, какъ бы паденіемъ своимъ сбросилъ съ себя много тяжесши, опряхнулся, оборотился назадъ, пригро-

зиль народу и бросился назадъ за виновникомъ своего униженія.

» Ошдохнулъ! шеперь пошесть иноходцемъ! Вишь, какъ засыпалъ ногами до новаго куварка-по!« были за нимъ лепящими провожатными слова сіи и погнались еще просыпаннныя овощи, чокаясь съ его спиной. Молодецъ въ это время вбѣжалъ на шорговую площадь, гдѣ всѣ, съ учаспьемъ раздвигаясь, давали ему дорогу; не разбирая ничего, началъ скакати онъ чрезъ всѣ повары. Мысль его была запушати гонителя своего по лабириншу пѣлеги, въ чемъ бы легко успѣлъ онъ; но вдругъ напикнулся на оглоблю, къ шому же запушался ногой о рогожку, упалъ и, пока началъ выпушываться изъ нее, ярыжка уже наскочилъ на него.

» А! бѣсъ нечисной! попался!« воскликнулъ онъ силло со скрежешомъ зубовъ, схвативъ его одною рукою за волосы, а другою шискаая за грудь. »Какъ зовушь

шебя?» Упавшій заворошился, молча, но не могъ вдругъ выбиться изъ рукъ его.

»Зовушкой!« кричалъ ему народъ, и съ примѣшнымъ соболѣзнованіемъ спѣшили какъ нибудь помочь упавшему.

Русскій народъ друженъ, не выдаспѣ поварища, хошъ дойдешъ дѣло до ножа, но явно напаспѣ на ярыжку онъ не смѣлъ—ибо сей вымѣспилъ бы во всякомъ случаѣ съ лихвою каждому; въ опчаянномъ случаѣ посягнулъ бы и на эпо, но надѣялся и безъ того какъ нибудь избавить своего изъ когшей раздраженнаго; изподпишка же шѣшился онъ надъ ихъ брашомъ до сыпа, что случилось и шеперь. Откуда ни взялось, спукнулось сырое яйцо въ зашпмокъ ярыжки; другіе подхватили и взвилась шуча лицъ надъ ярыжкой и облѣпила всего его. Сей обернулся, схватилъ камень и пуспилъ въ шолцу, а упавшій между шѣмъ вывернулся, макнулъ на гоиншеля своего длинную рогожку и былъ шаковъ.

Тотъ барахпался пока и выспавлялъ лице изъ эпой вуали, комки грязи вспрѣчали уже его, и долгобъ не кончилась эпа сцена, еслибъ шоварици ярыжки, услыхавъ клики народныя, не заверпѣли въ прещепки. Раздался спранный звукъ и изъ ближней будки высыпали всѣ обипапели ея, ярыжки и подьячіе, повыхапали изъ надолбовъ палки и пуспились на шо мѣспо, гдѣ была свалка; но народъ, завидя ихъ, разсыпался мигомъ въ разныя спороны, и они заспали шамъ полько шоварица своего, умученнаго и выпушывающагося изъ рогожныхъ пенепъ. Взяпъ было не на комъ и началась конприбуція съ возовъ, за чѣмъ они не заспупились за ихъ собрана.

Назарій съ Захаріемъ и съ малою свипою своею уѣхали пакже съ мѣспа сего, не бывъ никѣмъ пронупы во время сумяпицы. Разговаривая и смѣясь сему произшеспию, выѣхали на прежнюю дорогу и спросили у новозчиковъ, идущихъ подлѣ

высоко накладенныхъ воевъ: »Гдѣ проѣхашь въ Кремль?«

»Хорошенько не можемъ знашь, Бояра; кажись прямо,« отвѣчали они. »Вы видно не Москвитяне, да мы и сами заѣзжие; спросите здѣшнихъ посадскихъ.«

»А издалека ли вы и съ чѣмъ?« спросилъ Назарій.

»Мы Тверитяне; ѣдимъ же съ кожаными промыслами къ госпиному двору.«

»Богъ въ помощь, дѣдушка! Какая дорога пролегаеиъ къ Кремлю?« спросилъ оиашь Назарій, подѣхавъ къ посадскому спарику, копорый сидѣлъ на большомъ камнѣ пропивъ калишки неизменнаго, но опряшнаго домика своего, поджавъ руки и смошря на большую дорогу.

»Спасибо, Бояринъ! Боже управи пущь пшвой!« отвѣчалъ посадскій. »Сгупай вошть все прямо, все прямо; шамъ увидишь красную часовню, подлѣ нее поворошть

направо.... Да вонъ, видишь, бѣлѣтся-шо? Эшо Кремлевскія спѣны; шуда и слѣпой найдешъ дорогу.»

» А чшо нынче здѣсь за особенное празднество шакое, чшо давеча шакъ гусшо ударяли въ колокола? Да и шы не работаешъ, а народъ весь куда-шо проспѣшилъ!«

Спарикъ, приспально поглядѣвъ на Назарія, опшѣчалъ ему съ удивленіемъ: »Какъ! да развѣ шы нехрисишь какой? Нынче праздникъ. А если знаешъ шо, какъ же тебѣ невѣдомо, когда шы подданной нашего бапюшки Іоанна Васильевича, чшо нынче онъ имянинникъ? Развѣ шы не нашей спаши?... «

» А! вопъ чшо! Такъ кспаши же гошовъ подарокъ ему для нынѣшняго дня!« перервалъ его Назарій, шакже изумясь, и поскакалъ по указанной дорогѣ въ Кремль съ своими. Спарикъ привспалъ и долго смопрѣлъ въ слѣдъ уѣхавшимъ

еще съ большимъ удивленіемъ, копорые, все болѣе и болѣе шераясь оупъ него въ дали, безъ особенныхъ приключеній доспигли скоро желаннаго мѣспа; а чшо шамъ вспрѣпили взорами своими, увидимъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА V.

КРЕМЛЬ ВНЕШНИЙ И ВНУТРЕННИЙ. ШЕСТВИЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ИЗЪ УСПЕНСКАГО СОБОРА ВЪ ПАЛАТЫ СВОИ СО ВСЕМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ И САНОВНИКАМИ ДВОРА СВОЕГО. НАРОДНЫЙ ПЕРЬ. НЕОБХОДИМОЕ СКАЗАНИЕ О КНЯЖЕВНИ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА III. СВИДАНИЕ НАЗАРІЯ СЪ РОДСТВЕННИКОМЪ СВОИМЪ КНЯЗЕМЪ ОБОЛЕНСКИМЪ СТРИГОЮ. РАЗГОВОРЪ ИХЪ. НАЗАРІЙ ПОВѢСТВУЕТЪ ЕМУ О ВОЙНѢ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ СЪ ВЕЛИКИМЪ НОВГОРОДОМЪ.

На мапушку-Москву смошрю,
На лучезарную зарю
Побѣдъ, величія и славы
Благословенныя державы!

П. ШЕРЕМЕТЕВСКІЙ.

Колоколня церкви Иоанна Лѣспвичника
была еще тогда Московскимъ колос-
Часть I. 6

сомъ изъ-за низкихъ лачужекъ далеко кидалась она въ глаза; но чѣмъ ближе было подъѣзжая къ Кремлю, тѣмъ лучше, красивѣе и высше вспрѣчались хоромы, двухъэтажные перема съ длинными и узенькими окончинами, въ коихъ цвѣшились мѣлкія спеклышки, вышки съ припорками вмѣсто балконовъ, для голубей, обращенными на дворъ, и у каждаго заживочнаго чловѣка, какъ я выше упомянулъ, находился собспвенный свой садъ. Великокняжескій же садъ, находящійся прибрежнымъ къ Москвѣ рѣкѣ, хошя былъ расположенъ на низменномъ мѣспѣ подлѣ Кремля, но далеко еще видѣлись его букешовыя рощицы, насаженныя изъ молодаго орѣшника, а подойдя поближе, усмапривался гуспой малинникъ, кошорый, сквозь вѣшви, колеблющіяся вѣспромъ, опкрывалъ въ нѣдрахъ своихъ мельканіе спѣлыхъ ягодъ; иныя вѣшви, пробившисъ сквозь ращелины забора, просовывали чрезъ нихъ гибкія головки

свои. Подлѣ Велико-Княжескаго сада, опдѣленнаго высокимъ шпномъ, были сады Боярѣ, роскошешествующіе плодами и цвѣтами, болѣе дикими. Весной особенно взоръ упивался обворожениемъ, глядя съ Кремлевской горы на сады, слившіеся всѣ вмѣстѣ, когда предспавлялись: шо раскидисшыя яблони и вишни, усыпанная цвѣпомъ своимъ, какъ покрышыя бѣволниспыми пеленами; шо полные чистпой водой зеркальные пруды, кажущіеся дрожащими при блескѣ солнца, лучи коего, игриво разсыпаясь, вонзались въ лоно воды. Впрочемъ; шога искусство не вело брани съ природой; дорожки въ садахъ прошапывались охотно самими хозяевами ихъ, а неподсприженныя кудри деревьевъ завивались не мачихиною рукою.

Толпы балагановъ, разныхъ госпныхъ, купеческихъ и монаспырскихъ подворьевъ, лавокъ, разбросанныхъ око-

*

ло Кремля, не запирали опгъ глазъ бойницъ его; на высокихъ, опгъ времени посѣдѣлыхъ и въ иныхъ мѣспахъ поросшихъ мхомъ, зубцахъ, шевелился еще плющъ и павелика. Весь уже Кремль обнесенъ былъ широкимъ рвомъ, низъ и бока коего выкладены были кирпичемъ, спѣны, огибашя его, были каменныя древнiя, и шакже во многихъ мѣспахъ облѣплены сѣдымъ мхомъ; къ ворошамъ его вели деревянныя моспы съ крашеными перилами.

Описавъ нѣсколько внѣшнiй видъ Кремля, о внутреннемъ оспаешя крашко сказашъ (*), чшо въ немъ было очень шгъсно. Когда уже боярскiе дворы загромождались разными спроенiями, шо чшошъ шеперь должно было подумашъ о Велико-Княжескомъ! Сколькo проспранспва занималъ одинъ дворець, въ коемъ помѣщались разныя палашы и хоромины,

(*) Ибо подробнѣ онъ шакже описанъ до меня.

на пр. писцовыя и приемныя, дворы: соколиный, кухонный, мыльный (1), ясельничій (2). Службы: кладовыя, погреба, запасныя подвалы и разныя хранилища Великокняжескія; особенно dospойный примѣчанія былъ пайникъ, или подземельный ходъ около всего Кремля, въро-яшно сдѣланный еще въ XII столѣтіи, во время владычества Ташаръ, опгъ набѣговъ сихъ варваровъ. Кромѣ дворца, съ его обширными приспройками, въ Кремль находились Соборы: Успенскій, Архангельскій, Спасъ на Бору, Чудовъ Монастырь, Рождество Іоанна Предпечи и подлѣ него Мишрополичій домъ, Думная Палаша (3), въ кошорой засѣдали Думные или Совѣщныя Бояре и въ кошорой рѣшались всѣ важныя дѣла; Ордынское подворье; шерема *ближнихъ* Бояръ; вороша:

(1) Или банный.

(2) Или конюшенный.

(3) Та, что нынѣ Сенапъ.

Боровицкія, Тайницкія, Флоровскія, Конспанпино-Еменскія и проч.

Между шолпами народа, кои валомъ валили въ Кремль, находились и Назарій съ Захаріемъ. У Кремлевскихъ воропъ слѣзли они съ лошадей и, передавъ ихъ кой съ какими поклажами холопямъ своимъ, и съ наказомъ опсправившись въ домъ знакомца ихъ Князя Сприги Оболенскаго, сами, скинувъ шапки, перешли пѣшкомъ чрезъ мостъ въ Кремль и, вмѣшаясь опяшь въ шолпу, спали подходиль къ Успенскому Собору. Вся площадь Кремлевская захлынула была народомъ. Въ это время шолько чшо кончилась обѣдня и раздався колокольный звонъ.

Князь выходиль; ужъ онъ на паперши!... »Тише! тише!« послышался голось опъ церкви.

»Тсъ! Князь, Князь!« вдругъ огласилось вездѣ, и шопчасъ же шумный говоръ народа замеръ.

Хопя недалеко находился дворець опѣ Собора, но во время параднаго шествія Велико-Княжескаго, для соблюденія церемоніи, ему подвезенъ былъ праздничный возокъ въ шестъ рослыхъ вороныхъ лошадей, Нагайскаго привода; шлеи у нихъ были червчашья, а уздечки наборныя, серебрено-кольчашья; у возка же всѣ опѣдки желѣзныя, посребреныя; пѣкрышъ былъ онъ лазоревымъ сафьяномъ, а въ немъ обишо камкою изъ голубо-полосапою; сѣдельныя же подушки въ немъ были изъ шелковой шкани, малиновыя, съ золопою бахрамою; по сторонамъ былъ онъ росписанъ золопомъ; колеса и дышла крашенныя. Сперва показались вершники, раздвигая народъ, за ними Липовскіе копейщики подъ предводишельствомъ спашнаго и богашо-разряженнаго юноши, а за ними чинно ѣхалъ возокъ, въ коемъ сидѣлъ Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ, милоспиво кланяясь шумно привѣщспв-

ющему его народу. По споронамъ возкашли сановники двора его съ обнаженными головами. За нимъ несли въ носилкахъ, обипыхъ алымъ бархапомъ, Великую Княгиню, Софью Ѳоминишну съ дѣшми и ея пасынкомъ, величеспвенно сидящую въ нихъ на парчевыхъ подушкахъ, унизанныхъ жемчугомъ. За ними шли ближніе Бояра, Окольничьи, Сполъники, Кравчии, и прочій шпапъ двора; а сихъ уже провожалъ народъ всякаго званія.

Когда вся процессія оспановилась у дворца, *Дворецкій* (*), по повелѣнію Великаго Князя, обратился къ народу и

(*) Сей чиновникъ бывалъ по большой часпи изъ Бояръ. Должность его была паже, какую нынче имѣетъ Оберъ-Гофмаршалъ. Въ его вѣдомствѣ соспоали всѣ нижніе придворные служивелд; онъ былъ главнымъ судьбою въ Приказѣ, называемомъ *Большой Дворецъ*. У него въ вѣдомствѣ соспоали всѣ дворцовыя волостпи и въ его распоряженіи были получаемые съ нихъ доходы.

провозгласилъ: »что для дня именинъ своихъ, Великій Князь приглашаетъ поданныхъ своихъ на шрапезу, какая усстроена пропивъ палашъ его.« Гласъ общаго воспорга недалъ кончилься приглашенію. »Да здравспвуетъ опецъ нашъ, Іоаннъ Васильевичъ съ мапушкою Великою Княгинею, съ чадами и со всѣми попомками своими!« раздались восклицанія, полетѣли вверхъ шапки и хлынула вся шолпа къ мѣспу пиршесшва. Между двухъ сполбовъ, на большое проспраншво одного ошъ другаго, пропягивались веревки, на коихъ висѣли калачи и мясные окорока; на многихъ скамьяхъ, замощенныхъ досками, навалены были кучи пироговъ, короваевъ, пышекъ, блиновъ, сырниковъ и пр. Подлѣ нихъ спояли чаны и жбаны съ брагою и медомъ. Въ мигъ шолпы, алчущія шрапезы сей, жадно кинулись на добычу, наперли, смяли ихъ, веревки порвались, и съ нихъ иное приняи чаны, иное земля; пища и пишье смѣша-

лись между собою и на все равно чернь накинудась съ неисповспвомъ и оже-споченіемъ, какъ на враговъ своихъ.

Назарій замѣпилъ между сановниками, провожавшими шеспвіе Великаго Князя, родспвенника своего Князя, Спригу Оболенскаго, и сей, пакже узнавъ его въ полпѣ народной, изумился, прорѣзался къ нему и послѣ дружескихъ объпій и привѣспспвій, спросилъ его: » Какъ эшо очутился шы здѣсь?«

» Не время и не мѣспо рассказы-вашь« ошвѣчалъ Назарій.

» Пойдемъ же ко мнѣ и опдохните у меня хорошенько; пока всѣ шеперь любуошся пиршеспвомъ народнымъ, я пріохорощу васъ и представлю Великому Князю,« сказалъ Князь Сприга Оболенскій, и повель ихъ въ свои хоромы, ошспояціе не далеко ошгъ Кремля. »Эшо-шо послѣднее объщаніе всего нужнѣе для насъ,« подумали пріѣзжіе, шедши за нимъ.

Прежде нежели опишу я бесѣду приѣзжихъ госпей съ хозяиномъ ихъ, нахожу нужнымъ предварительно сдѣлать краткой обзоръ Княженія Іоанна Васильевича III, прозваннаго *Великимъ*.

Въ его славное, цвѣтущее правленіе, Россія начинаеть спряться съ себя зависимость (*) и приемень величіе; изъ нее, слабой, раздираемой внутренними язвами, образуется Государство сильное; могущество ея, исполньски распущее, обращаетъ на себя не только вниманіе, но удивленіе Европы и Азіи; многія державы дають ей мѣсто значительное въ системѣ политической. Хопя Орда и Липва, какъ ужасныя скалы, сляпся наперерывъ задвинушь нуши ея разрѣшенія, и оспаться по прежнему властительнымъ ея горизонтомъ; но Іоаннъ вездѣ сокрушаетъ ковы, силу опра-

(*) И въ послѣдствіе времени его Княженіе спрываетъ оную.

жаешъ силою, хипросъ хипросио; вмѣщая въ себѣ умъ и храбросъ, самонадѣянно пролагаетъ онъ всюду дорогу, непропошанную до него никѣмъ, гдѣ полько предвидишь пользу водрузишь жезлъ своего владычества. Новгородъ; Пермь и Тверь, покорсвуя его могущесву и соединясь всѣ вмѣспъ, учепверяющъ его силу. Спасная Казань и съ ней самовласпипельные пираны Кипчакскіе рушашся и даже опдаленная опгъ Москвы Ливонія шрепещетъ блеска меча Русскаго.

Касапельно внушршняго усшройсшва Россіи, видно, что народъ ея не сполько уже коснѣетъ въ невѣрсшвѣ, бразды правленія дѣйсшвуютъ зорко и законно, по правиламъ ума просвѣщеннаго, Воицшва образующя лучшія и многочисленныя, искуссшва вызывающя посшепенно и неупущипельно. Русскіе послы опшправляющя ко всѣмъ знаменишымъ дворамъ Европы и даже въ Азію, изъ ко-

ихъ въ замѣну являюся въ Москву иноземные. Императоръ, Папа, Короли, республики, Азіатскіе Цари, опышашъ привѣспивовапъ Россійскаго Царя, прославившагося въ краяхъ опдаленнѣйшихъ быспрыми завоеваніями своими опъ предѣловъ Липвы и Новгорода до Сибири.

Греція, испари почши до сего времени мощная, образцовая держава, кажепся, пріяла срокъ своему величію и издыхающая препоручаетъ покровишельспву Іоанна послѣднюю вѣспвь своего владѣнія съ шѣмъ, чпобъ Россія, принявъ ее, можно сказапъ, въ семью свою, увѣковѣчила бы славу ея. Россія, до сего времени бѣдспвующая, расширяя предѣлы свои, даетъ опору крѣпкую другимъ.

Испалія раздѣляетъ съ Россією первенцы плодовъ своихъ опъ развивающихся въ ней художеспвъ. Москва распроспраняетъ ся, улучшаетъ ся и разцвѣшаетъ не поль-

ко сынами своими, силами, высшими степенями образования, но и великолѣпными зданіями. Наконецъ земля опровергаетъ *Великому* сокровеннѣйшія нѣдра свои и онъ извлекаетъ изъ нее драгоценныя металлы, павшіеся до сего времени на Руси, какъбы ожидавшіе полько его, чшобъ опдашься ему, чшобъ разлапипь его княженіе. Вотъ краткій обзоръ блестящаго правленія Іоанна Васильевича III, кратко описанной мною согласно со сказаніями *Исторіографа* нашего. Имъ руководствовался я высказавъ сіе опспуленіе опъ описываемаго мною историческаго романа, къ которому опять обращаюсь шеперь, сказавъ: чшо сей славный герой, исполнивъ своего вѣка, царствовавшій 43 года надъ Россією (каково влаетствованіе бываетъ рѣдко) въ глазахъ современниковъ своихъ и потомковъ, клеветниковъ и враговъ, всегда былъ, ешь и будешь до споннѣ шой славы, которая обезсмер-

пила его въ скрижаляхъ преданій: ибо онъ былъ могущимъ виновникомъ возродившагося могущесства Россіи, соединя въ себѣ: милоспъ, грозу и величіе.

Кажется, я ошановился на помъ мѣспъ, когда Князь Оболенскій Сприга повелъ госпей своихъ къ себѣ? Точно.... »Ну, теперь мы одни,« сказалъ онъ, усаживая ихъ въ свѣшлицѣ своей на широкихъ дубовыхъ лавкахъ, покрытыхъ суконными наспилками. »Повѣдай же ты, Назарій Евсигнѣвичъ, пакъ какъ мы съ побою счишаемся кровными и недалними, ибо ты мнѣ внучашный брашъ доводишься—волею или неволею занесла вась лихая судьба къ намъ, ворогамъ вашимъ?«

»Не знаю, брашъ,« ошвѣчалъ Назарій, »какой шебѣ на эшо ошвѣшъ дашъ: шуптъ все еспъ, воля и неволя.«

»Да вразумляешь ли ты запросъ

мой, на что онъ мѣшишь, и о чемъ я рѣчь веду?» спросилъ его Оболенскій.

»Да какъ не вразумляшь! А ты бы насъ сперва напоилъ, накормилъ, да спать положилъ, а послѣ бы и спросилъ: за чѣмъ дескать вы дальнія шицы прилепѣли на чужбину? Здѣсь не накормяшь васъ пшеницей ярой, а съ васъ же послѣднія перышки ощипляшь,« ошвѣчалъ ему Захарій.

»И вѣдомо пакъ!« сказалъ, улыбнувшись, Оболенскій. »Вы народъ хипровой; сперва надо расплавить задушевную-по винцомъ горячимъ, а шамъ ужъ онъ самъ съ языка закаплетъ.«

»Зубоскалешь не время,« началъ говорить важно Назарій, принимаясь за предлагаемую пицу и пише машинально. »Съ шобой, какъ съ кровнымъ, сердечнымъ и спаршимъ, хочу я вмѣспѣ побесѣдовать, чшобъ раздумашъ думу крѣпкую и распосковашъ шоску шяжелую.«

» Ты знаешь, брашъ,« опвѣчалъ Оболенскій, перемѣня голосъ: »я шеперь сирь и душой и шѣломъ; хозьяка давно уже покинула меня, и еслибы не сынъ—одна надежда, пуще зарвался бы я къ ней; да ужъ и шакъ, мнишся мнѣ, скоро мы разочшемся съ землей. Дни каждаго чело-вѣка сочпены въ руцѣ Божіей, а моихъ ужъ много; шакъ говори жъ смѣло: въ самую душу приму я все, а въ ней за-мрешъ все.«

» Пошому-шо шебя я и избралъ, какъ образца чеспности. Дѣла-шо шакого рода....« произнесъ Назарій, понизя голосъ, покинувъ чару свою и ошодвигаясь ошъ спола.

»Такъ говори же, не мѣшкай, и у меня кусокъ коломъ спановипся въ горлѣ,« произнесъ убѣдительно Оболенскій, шак-же покинувъ ложку свою.

»Начну шебѣ съ шого, какъ взбаламу-пились земляки мой, и выкажу шебѣ весь корень дѣла. Помнишь ли, чшо да-

вно-шо, лѣшь за пяшокъ слишкомъ передъ симъ, было? Подробно пы не знаешь причинъ, какъ чшо случилось и за чшо дѣло спало.»

»Да, я оспавался шогда бдѣшь надъ Москвой съ сыномъ и брапомъ Великокняжескимъ, Андреемъ *Меньшимъ*, а мой сынъ Василій направилъя опсюда съ Тапарскою конницею прямехонько на берега рѣки Мечи,« перервалъ его Князь Иванъ Оболенскій.

»Ну не забудьше упомянуть и меня въ присловьи,« сказалъ насыпившійся Захарій, прислонясь спиной къ спѣнъ; «а я немного прикурну!»

»Ну вопшь,« началъ опяшь Назарій, не обращая на него вниманія, «дѣло началось сперва не шакъ, чшобы важное. По нашимъ харпшямъ значилось, чшо городъ Торжокъ и другія кой какія земли и города издавна считались подъ власпшо Новгорода Великаго; но дѣдушка нынѣ

Княжеспвующаго Іоанна Васильевича, Великій Князь Василій Димитріевичъ, по-ялъ ихъ мечемъ своимъ и оспавилъ за собой; по договорнымъ же грамошамъ съ сыномъ его Великимъ Княземъ Васильемъ Васильевичемъ, по прозванію Темнымъ, Торжокъ обрапился паки во власпъ Новгородскаго Вѣча, а прочія земли оспались какъ бы запаенныя за Москвою, и помину о нихъ не было. Наши Думные и Совѣшныя Бояре много разъ собирались на Вѣчѣ, чпобѣ порѣшишь, кому владѣшь ими. По правамъ довлѣешъ непрекословно оспашься за Іоанномъ Васильевичемъ все приобрѣпенное мечемъ, хопя и предками его, говорили многокрапно разумные мужья; но молодые смѣльчаки шого и слышашъ не хотѣли. »Подавай намъ *судъ и правду!*« вопили они, не вѣдая ни силы, ни могущеспва вашего Князя и, захопѣвъ вдругъ показашься предъ нимъ грозными и крѣпкими. »Наши дѣды и

ошцы упрашили излишне уступчивостию своею ненасыпнымъ Московскимъ Князьямъ,« говорили они, »пакъ чпожъ намъ не всшупипься? Эпакъ подумаютъ шѣ гордынцы, чшо мы ослабѣли, чшо въ Новгородѣ выродились всѣ храбрые и сильные, чшо мужья вымерли, а теперь населяютъ его дѣши, которыя не могутъ сжапъ меча слабыми перспами своими. Нѣшъ, воспановимъ древнiя права вольности и смѣлости своей, не дадимъ посмѣяпъся надъ собой—мы все шѣже!»

»Знаешъ шы,« продолжалъ Назарiй съ усугубляющимся жаромъ, крѣпко списнувъ Оболенскаго за руку, »сынами Новгорода двигаепъ не кровь, а кипяшокъ? зарони искру въ одного—и во всѣхъ полямя. Такъ случилось и тогда. Думали, думали, съ чего бы начинапъ дѣйспвовапъ? Явно напасъ на владѣнiя Великаго Князя не хопѣли, а можетъ быпъ, и не посмѣли, и начали дѣлапъ задирки, спер-

ва по немногу, захвапя доходы его, воды и земли, дѣлали присягу народу въ надобныхъ случаяхъ полько именемъ Великаго Новгорода, а о Князѣ умалчивали; наконецъ схвапили Намѣспника его и Пословъ, и власпію Вѣча посадили подъ спражу. Великій Князь провѣдалъ о всемъ и прислалъ изъ Москвы гонца требоващъ удомленія; но его опослали безъ отвѣта. Погодя немного, поѣхалъ нашъ Намѣспникъ Василій Ананьевъ въ Москву съ дѣлами земскими и шакже въ семь дѣлъ не пикнулъ ни слова Великому Князю. Тогда уже онъ самъ сдѣлалъ ему запросъ, жалуясь на припѣсненіе своихъ сановниковъ и прочихъ людей.

»Я ничего не знаю,« отвѣчалъ Ананьинъ. Великій Новгородъ не далъ мнѣ о семь никакихъ повелѣній!« Князь промолчалъ; но когда спалъ его оппускашъ въ возвращенный путь и промолвилъ, прощаясь: »Скажи Новгородцамъ, моей опчинѣ,

чпобъ они исправились, захваченныхъ освободили бы съ честію, въ земли мои и воды опнюдь не вспупались, а имя мое держали бы честно и грозно по спаринѣ, исполняя обѣтъ креспной, если хопяпъ опъ меня милоспи и покровишельсхва. Прибавъ имъ и накажи помнишь, чпо шерпѣнію бываепъ конецъ и чпо мое уже испощилось опъ пропивузаконныхъ посшупковъ ихъ, и болѣе уже не продолжишся. Сшупай.»

»Говоряпъ, чпо Великій Князь шогда же послалъ съ Бояриномъ Селивановымъ грамошу къ Псковишянамъ, чпобъ они, въ случаѣ войны, гоповы были на коней, да и въ походъ пропивъ ослушниковъ, вмѣспѣ съ Московскими дружинами. А намѣспникомъ въ Псковѣ былъ шогда Федоръ Юрьевичъ, ну знаешь, шощъ Великій Воевода-шо, чпо такъ храбро гонялъ Нѣмчиновъ опъ обласпи, ему ввѣренной, какъ спшо шрусливыхъ зайцевъ. Псковишяне прислали Великому

Князю судное право на всѣхъ своихъ двѣнадцати пригородахъ, а дополь Князя Московскіе судили и радили шолько на семи, а оспальные пять оспавались въ зависимости народной власпи. Они и впрямь досадовали на насъ (*), но не пакъ-шо хопѣли войны, попому чпо ихъ часпенько задирали Ливонцы своими набѣгами. Вошь пакъ какъ они не хопѣли войны, сказаль я, и опправили къ намъ предложіе, чпо мы дескашь пожалуй будемъ миропворцами между вами и Великимъ Княземъ. Но совѣль Новгородскій имъ опвѣспивоваль: если вы добросовѣспны и намъ не вороги, а добрые сосѣди, шо вооружишесь и спаньше за насъ, пропивъ самовласпія Московскаго, а кланяшсья вашему Владыкѣ не хопимъ

(*) Болѣе за шо, чпо Новгородцы не вспунались за Псковшпянь въ войнѣ ихъ съ Ливонцами и болѣе благопріятспивовали послѣднимъ.

мы пошому, что считаемъ это дѣломъ зазорнымъ, да и ходатайства вашего не желаемъ и не принимаемъ; а коль согласны вы на наше предложеніе, по дайше знашь: мы сами будемъ вамъ всегда вѣрны и дружественны.»

»А вошъ мы посмошримъ,« дали опшвѣшъ имъ Псковшяне, а сами слукавили, прокляшые, и дали вѣспочку Великому Князю о помышленіяхъ Новгородцевъ.

ГЛАВА VI.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗСКАЗА НАЗАРІА. ПОЯВЛЕНІЕ ЛИТОВЦЕВЪ
ВЪ НОВГОРОДѢ. ДОГОВОРНАЯ ГРАМОТА СЪ КАЗИМИ-
РОМЪ ПОДЪСКИМЪ. ВОЙНА СЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ
ІОАННОМЪ ВАСИЛЬЕВИЧЕМЪ. ПОВѢДА. ОУЧАЯНІЕ. ЦѢЛЬ
ПРѢЗДА НАЗАРІЕВА.

..... Боже!

Какая узкая граница дѣлится
Добро и зло въ превращенной нашей жизни.

Шиллеръ. (Смерть *Валленштейна*).

Изъ края въ край вездѣ я спранныкъ:

Бѣгу опчизны, какъ изгнанникъ.

Н. Маркевичъ.

»Монихъ земляковъ не успрашили и
не опечалили опивъшы Великаго Князя и
Псковичанъ: они надѣялись на собсп-
венныя свои силы и на мужеспво всег-

да могучихъ сыновъ Св. Софїи (*) и продолжали своевольничашь и не пускали на Вѣчу никого изъ Московскихъ сановниковъ. На пу бѣду заслалъ къ намъ Король Польскій посломъ Воеводу своего, Князя Михайла Омельковича, брашъ коего Симеонъ и шеперь славно и чеспно господспвуептъ въ Кіевѣ. Ну, съ нимъ прибыло еще много Лишовскихъ Випязей и Пановъ ихъ, а за чѣмъ? долго мы не знали. Да воптъ ужъ я все расскажу по порядку.

»Въ это самое время умеръ Владыка (***) нашъ Іона. Совѣптъ Бояръ и Посадниковъ избралъ на его мѣсно... Да, забылъ

(*) Такъ звали себя Новгородцы. Храмъ во имя Св. Софїи былъ у нихъ въ особенномъ уваженїи. Съ именемъ ея опваживались они на всѣ подвиги свои и считали ее защипнящей своего опечеспа.

(**) Подъ именемъ Владыки они разумѣли высшую духовную особу.

сказахъ, что въ это время засѣдалъ ужъ и я въ совѣтъ на Вѣчъ... Вошь избрали мы Проподіакона Теофила. Это исполнилось по жребію, взятому съ пресполо Св. Софїи, на кошорой клали жребій про долю помянушаго Теофила съ долею ключника Пимена. Вошь выбрахъ-шо выбрали, а пошпановишь-шо его надобно было въ Москвѣ, по обыкновеніямъ, ведущимся изспари. Но какъ шу-да ѣхашъ было безъ согласія Великаго Князя! Однако, рѣшились послахъ Боярина Никишу съ просьбою къ нему, къ Мапері его и Мишрполишу. Великій Князь оказалъ намъ милоспъ, далъ *опасную грамоту* (***) на проѣздъ Теофила въ Москву, повершилъ начашое дѣдо и, оппуская его, повелѣлъ ему передашъ намъ слова сіи: »Онъ вами, шо еспъ: нами, избранъ и приняхъ быдъ мною,

(**) Или предохранительный листъ для свободного пропуска въ Москву.

шо еспь имъ, съ чеспію. Я гошовъ жаловапъ васъ, мою опчину, и всегда, если вы чиспосердечно признаете вину свою, и не забудете, что мои предки чеспвовались Великими Князьями Новгорода и всея Руси.»

»Новый Владыка нашъ, Теофиль, пронувшись милоспями Великаго Князя, шцился было покончить нашу распрю съ нимъ и, должно быпъ, успълъ бы: народъ уже примъпно подавался на его увъщаванія, ибо онъ у насъ красноглаголивъ; но вдругъ опкрылся мяпежъ со спороны, вовсе неожиданной ни къмъ.

»Вопреки поспановленіямъ, заповѣданымъ нашими дѣдами и опцами, копорыми спрого воспрещалось женамъ имѣпъ какое либо учаспіе въ дѣлахъ гражданъ, явилась на Вѣчѣ жена гордая, чесплюбивая и хваспливая. Эшо была Марea, вдова бывшаго Посадника, Исаака

Борецкаго. Она уже была мать двухъ взрослыхъ чадъ, мужескаго пола; богашства имѣла несмѣшныя. Знапность, велерѣчье, хитроспъ и угоспительная роскошь ея были намъ вѣдомы; но не корыспъ завлаштовала душами нашими, но разумъ ея. Умѣла она, окаянная, шакъ вычурно, да хитро мешапъ слова свои, чшо онѣ, казалось, лились изъ устъ ея рѣчью медопочивою, копорая и къ слуху-шо прильнешъ и въ памяпшо западепъ, шакъ чшо и обухомъ не выбеешъ изъ головы ни слова.

»Вошъ какъ шеперь гляжу, какъ она продралась сквозъ спражу, препившую входу ея въ храмину, въ копорой находилось Вѣче и гдѣ засѣдали мы. Видимъ: вбѣгаешъ женщина высокая, немолодая, но лѣпообразная еще, хошя и въ непорядчномъ видѣ; покрывало на головѣ ея смяшо и опброшено съ лица, волосы раскинушы, а глаза горяшъ—и какъ вбѣжавъ и оснановившись вдругъ, повела

она ими, спакъ мы, изумленные, и озадачались еще болѣе. Послѣ хопѣли промолвишь, а она и предускорила.

«Кого я вижу предъ собой?» начала она. «Здѣсь ли Вѣче Новгорода Великаго? Кудадѣвались совѣшныя мужи его? Я ихъ не вижу: это слабыя ребяшя, копорымъ пригрозили розгою и онѣ опспушающя опъ правъ своихъ, опдающъ угнепенную родину, какъ агнца, въ зубы хищнаго волка. Сокройпесь опсюда!» воскрикнула она грозно. «Пуспише насъ, женъ, на мѣспа свои; мы засядемъ въ совѣшъ, мы будемъ судишь о дѣлахъ и защищать васъ опъ враговъ Московскихъ....» И пошла, и пошла.... чпо ни слово, по жало, чпо ни взоръ, спакъ и обдаешъ позомъ упрека, какъ кипяшкомъ.

«По законамъ шупъ же бы подобало сорвать съ нее голову, положишь на косперъ и развѣяшь въ прахъ; но сознаюсь, прилѣпились мы къ ней и все пошло плясашъ по ея дудкѣ. Чпо дѣлашь?»

Грѣшно предъ Богомъ, спыдно предъ людьми, но и я искусился эшимъ лукавымъ....»

»Да кпобъ не соблазнился шакимъ хипрымъ идоломъ!« сказалъ Князь Оболенскій.

»Мало по малу,« продолжалъ Назарій, »она шакъ овладѣла нами, чпо заставляла слушашь себя нехоня и послушашь согласно съ ея желаніемъ. Однажды, вдругъ она входилъ скоро въ собраніе и объявляешъ радоспно, чпо Король Польскій прислалъ намъ запросъ: хопимъ ли мы его помощи?»

»Такъ вопъ чпо означало прибытіе Михайла Омельковича съ Липовскою дружиною!« подумали мы. »Предложеніе выгодно, однако рѣшились опасно, и въ золотомъ кубкѣ можно поднесшь яду. Мы призадумались, чпо за причина шакая? И теперь разгадашь не можемъ, почему Марѳа-по шакъ крѣпко подружилась съ нечеспивыми Липовцами? Ежели ей хо-

пѣлось власпвовапъ, шо можно бы было обойшисъ и безъ посредниковъ.

»Срокъ думанья нашего кончился; видѣли мы ясно, какъ расхищали Липвинны имущество наше, какъ безчинничали даже на Вѣчѣ, куда призваны были на совѣтъ выслушати рѣшеніе наше; думали и не хотѣли.... Владыко Теофилъ первой подалъ голосъ, что непристойно соединяться съ Лапышами. За нимъ я съ боярами Васильемъ Никифоровымъ, съ Захаріемъ Овинымъ и еще кой кто были на нашей споронѣ. Но Марса съ единомышленниками своими вдругъ гаркнула: »Слушайте, чтобъ послѣ не раскаяшся. Король Польскій хотѣлъ бытъ заступникомъ нашимъ, а вы, недоспойные, не хотите признатъ и оцѣнить его милоспей. Онъ пребуешъ съ насъ дани менѣ Іоанна, обѣщашъ не припѣснятъ насъ, а всегдаспояшъ крѣпко за будущую свою опчину прошивъ Іоанна и всѣхъ воровъ В. Новгорода.« Мы было хотѣли

возразись; но вдругъ—до чего дожилъ Великій Новгородъ! нашлись наемники ея, шоргаши совѣспи своей и заглушили голоса наши восклицаніями: »Не хопимъ Иоанна, хопимъ Казимира. Да здравспвуешъ Казимиръ!...«

»Дѣло сдѣлалось. Я былъ тогда помолже: вовлекли и меня шуда же. Приложили всѣ руки и печати къ роковой грамопѣ и послали ее съ богатыми дарами къ Казимиру и съ просьбою не одного заступничества, но и подданства, шого, за чшо хопѣли поднятъ руки на законнаго правителя своего Иоанна. Не по сердцу мнѣ и тогда еще былъ одинъ Липовской Панъ, сродникъ Михайлъ Омельковичу, Болеславъ Звѣршановскій, видомъ сумрачный и надмѣнный. Бывало горлопяшишь громче всѣхъ, а дѣла полезнаго не учинилъ Новгороду ни на пулъ.

»Вскорѣ получили мы опѣ хипраго Казимира соглашеніе и подпись руки его на всѣ шпашьи наши. Копія съ на-

шей грѣшной грамошы хранился при мнѣ; я тебѣ прочту ее.» Съ симъ словомъ Назарій ошарилъ за опорочкой шапки своей харпю и, вынувъ ее, прочель слѣдующее:

»Договорныя Спашьи Вѣча В. Новгорода съ Королемъ Казимиромъ Польскимъ:

»Честный Король Польскій и Князь Великій Липовскій, заключаешъ союзъ съ нареченнымъ Владыкою Теофиломъ, съ Посадникомъ Аванасіемъ Евспафіевичемъ и съ Посадникомъ Димитріемъ Исаковичемъ Борецкимъ; ошъ людей живыхъ, съ предспавишелемъ Панфиломъ Силверсповичемъ и Кирилою Ивановичемъ на слѣдующихъ спашьяхъ:

»Спашья I. Вѣдашъ тебѣ честному Королю Великій Новгородъ, по сей крешной грамошѣ чинно, сохранно и неопспупно и держашъ на городище Намѣспниковъ вѣры Греческой, съ Дворецкимъ и Тіуномъ своими; а пребовашъ съ насъ только судную, законную пошлину, но въ судъ Тысяцкаго,

Владѣки и монаспырей вовсе не вступашься.

»Спашья II. Дворецкому жипельспвовашь на Городищѣ въ Дворцѣ и собирашь ему доходы, слѣдующіе тебѣ по договору, купно съ Посадниками и Тиуномъ, а наши дѣла вершишь съ присавами, указанными бышь опгъ Вѣча В. Новгорода.

»Спашья III. Если Іоаннѣ Московскій поднимется на насъ враждебно съ мечемъ и огнемъ; тебѣ Господину честному, Королю неупустишьельно вступашься и спашь за насъ, пвою опчину, крѣпко, и напустишь на общихъ враговъ дружно; воевъ же своихъ прислашь числомъ немалымъ.

»Спашья IV. Ржевь, Великія Луки и Холмовскій погоспгъ, да соспопашь всегда за землею Новгородскою.

»Спашья V. Новгородецъ въ Литвѣ судится по вашимъ законамъ, а Липвинъ у насъ, въ Новгородскомъ Вѣчѣ, по нашимъ.

»Спашья VI. Торговлѣ нашей ни съ

Нѣмцами, ни съ другими иноземными народами не препяпспвовашь. Тоже съ насъ воли не снимашь въ поспавленіи Владыки; гдѣ хошимъ, памъ и поспавимъ его, въ Москвѣ ли, въ Кіевѣ ли; шебъ же церквей Лацьшскихъ (по вашему Римскихъ) ни гдѣ въ землѣ Новгородской спавишь не дозволимъ.

»Спашья VII. Если пы примиришь насъ съ Іоанномъ, Княземъ Московскимъ, шо обязуемъ выпланишь шебъ, Господину чеспному Королю, всю народную дань, соспоящую въ годовомъ окладѣ.

»Въ ушверженіе договора сего, цѣлуй креспъ къ Великому Новгороду за все свое Княжеспво и за всю *роду Литовскую*, а Послы наши опъ имени Великаго Новгорода и всѣхъ насъ да цѣлуютъ креспъ шебъ, Чеспному Королю *Новгородскою душою*.

Руки приложили всѣ Новгородскіе Посадники и жишые люди.

»Понимаешъ ли изъ сего,» сказалъ На-

зарѣй, прочитавъ грамошу, »что легкомысленные земляки мои не больно-по кидались на подданство Липвѣ, и замыслили какъ бы примириться съ Іоанномъ Васильевичемъ? Они всѣ подавались той мысли, что онъ малодушно откажется отъ бывши съ Липвою. Намѣстники Московскіе были освобождены и проживали себѣ спокойно по прежнему въ Городицѣ; только имъ не нравно было бытъ свидѣтелями лигованія Марѣы съ ея клеветными поборниками. Въ правленіе съ нашими Посадниками они не вспупались ни во что, а увѣдомляли о всемъ Князя своего. Мы чествовали ихъ, какъ подобаетъ чествовать ихъ, которые представляющъ собой лице Великаго Князя, и наушали имъ, что отъ Іоанна Васильевича зависитъ навсегда оспаваться другомъ Св. Софїи, а сами уже отправили Великаго нашего Воеводу, Князя Суздальскаго Василья Шуйскаго-Гребенку въ Двинскую землю со-

храняшь ее, дабы Московская рапъ внезапно не завладѣла эшой важною для насъ спраною.

»Вскорѣ получили мы опъ Великаго Князя Іоанна грамошу, въ кошорой онъ еще паки уговаривалъ насъ смиришься. Внизу оной была припись Мишпрополиша, и сей увѣщавалъ насъ шоже учинишь, и соболѣзнуя о насъ, народъ Русскомъ, писалъ онъ, чпо *вдаемся мы въ ересь нечестивую, какъ въ стѣти дѣвола*. Опяшь умы наши заколыхались и опяшь Марѣа, какъ сапанинскимъ навожденіемъ, умѣла опклонишь душеполезное покаяніе наше. Вошь уже шушь болѣе не сперпѣлъ Іоаннъ Васильевичъ и послалъ намъ *Складную Грамоту*, (*), изчисляя въ ней всѣ дерзоспи, какія мы нанесли лицу его.

» Славное и шьмочисленное ополченіе успроилъ онъ, каковое пы самъ видѣлъ; еще убѣдилъ Михаила, Князя Тверскаго,

(*) Объявленіе войны.

дѣйствовашь съ нимъ за одно пропивъ насъ, и наказаль еще Псковичанамъ выступупашь съ Московскимъ Воеводою Княземъ Θεодоромъ Юрьевичемъ Шуйскимъ къ Новгороду; Успожанамъ же и Вяччанамъ идиши въ Двинскую землю подъ начальствомъ Василья Θεодоровича Образца и Бориса Слѣпаго-Тюпчева. Мы развѣдали вскорѣ, что и Князь Даниль Холмскій съ дѣшми Боярскими прокрадывался къ Русѣ.

» А сынъ мой Василій съ Ташарскою конницею поспѣшалъ къ берегамъ Мечи, какъ я уже и сказалъ, прервалъ его Князь Оболенскій; съ самимъ же Великимъ Княземъ отправились всѣ прочіе Бояре, Князья, Воеводы и Ташарскій Царевичъ Даніяръ, сынъ Касимовъ. Сверхъ того молодой Князь Василій Михайловичъ Верейскій предводилъ своихъ дружинами и шель окольными пушями къ Новгородскимъ границамъ.»

» А наши,« началъ опять Назарій, »на- скоро набравъ войска изъ всѣхъ званій и соспояній—не говорю уже шебъ, что съ сумашохой и безпорядками, что всег- да бываешъ безъ Головы, — выспунили прошивъ Москвилянъ. Жаркое было дѣ- ло у самага Ильменя, гдѣ обѣ дружины сръпились. Изъ нашихъ много было не- привыкшихъ носить доспѣхи воинскіе, и какъ Князь Холмскій съ поварищемъ своимъ Бояриномъ Теодоромъ Давыдови- чемъ мешнулись на нихъ, вмигъ и раз- сыпали. Кшо былъ побойчѣе, шѣ шаки уперлись на родную землю и опспани- вали ее съ честію и славою; но бѣгле- цы ихъ смяли, расспроили, и шѣмъ со- вершенно предали побѣду врагамъ.... Боже Ты мой! какъ испязали плѣнныхъ! Обрубали имъ носы, губы, уши, да иска- женныхъ—шо и посылали въ Новгородъ (*);

(*) Такія жестокоспи были свойственны погдаш- нему вѣку.

а опьяное оружіе попили въ Ильменѣ, приговаривая: «измѣнническимъ оружіемъ мы не нуждаемся.» Такой же выгодной перевѣсъ оказывался и вездѣ на споронѣ Москвитянъ: они побрали въ Ильменѣ и Посадниковъ-по, начальствовавшихъ надъ нашими дружинами, Воеводу Казимирова и Марѣина сына, Дмитрія Исаковича Борецкаго.

»Боярскій сынъ Иванъ Замышинъ представилъ ихъ всѣхъ Великому Князю, находившемуся въ Яжелбицахъ, и вручилъ ихъ вмѣстѣ съ договорной грамошю, чю я шебѣ чипалъ, заключенной съ Королемъ Польскимъ: ее нашли въ обозѣ, перехваченномъ еще наканунѣ бипвы. Тупъ же признали и того, кю писалъ эшу законопреспупную харшю, памятникъ измѣны Новгородской. Иныхъ изъ шѣхъ казнили на мѣспѣ, другихъ скованныхъ опослали въ Коломню. Оспавалась одна опора—Князь Василій Шуйскій; но посльшимъ, и онъ бѣжалъ ра-

неной и разбишой въ Колмогоры. Какъ взглянули мы на брашій своихъ, умученныхъ и обрызганныхъ кровью, и спохватились. Жушко и зазорно спало намъ! Воптъ все пронадѣялись на Липву, а они же обрывали насъ. Мишка Олельковъ бѣжалъ еще загодя и ограбилъ Рузу. Только оспался Совѣтникъ Марейнъ, эшоптъ шляхтей Звѣршановскій, копорого она укрывала у себя, чшобъ не дашь въ обиду разъяреннаго народа.

»Сошлись мы на Вѣчѣ. Поникши головами, думали, гадали и рѣшились, во чшо ни спанешъ, шолько не уронить себя; но вездѣ оказался голодъ и недуги; продовольствія взяшь не ошкуда: всѣ подвозы сперегущъ Москвишяне; вои наши съ башенъ и бойницъ валяшся мершвые грудями. Наказаль насъ Господь! сознались мы, чшо сами виновашы! Сверхъ шого, нѣкшо *Упадѣмъ* — кажись, былъ всегда вѣрнымъ слугою опечешсва — за»

колошилъ спѣвныя огнеметы и довершилъ безсиліе наше къ защитѣ. Его опыскали, изпызали всячески и розняли главу его опъ шѣла, а шрупъ бросили въ ровъ!..» Здѣсь Назарій вздохнулъ тяжело и послѣ продолжалъ: »Съ ужасомъ услышали мы послѣ, какъ самовластно Великій Князь повелѣлъ казнить имениныхъ Посадниковъ, въ шомъ числѣ и Дмитрія Борецкаго. Доселѣ не смѣлъ никшо изъ Великихъ Князей покусишься на жизнь первосепенныхъ Бояръ нашихъ. Но чшо дѣлашь! Сильнаго не переспоришь.

»Благодаря Владыкѣ нашему Теофилу, онъ вразумилъ насъ просишь пощады у грознаго, раздраженнаго Іоанна, и самъ взялся ходатайствовать намъ о прощеніи. Мы дали ему полную волю къ заключенію мира, и онъ со свишою, въ копорой находился, и я, опправились къ Великому Князю, смиренно преклонили предъ нимъ выи свои и упросили смилоспи-

нипсья надъ своимъ народомъ и поберечь свою опчину; короче сказашь: условились на помъ, чшобы внесши въ его казну 50 пудъ серебра (*) а въ послѣдшви времени плащипь ежегодно всю *черную дань* (**), возвращипь ему принадлежащя къ Вологдъ земли, берега Пенети, Мезены, Немьюги, Выи, Песчальной Суры и Пильи горы. Эпи мѣспа были успуплены Василю Темному, но послѣ опящъ наши опняли ихъ. Архїепископовъ нашихъ обязывались спавипь мы въ Москвѣ, у гроба Св. Петра Чудотворца въ дому Богоматери, не принимащъ враговъ его: Князя Можайскаго, сыновъ Шемяки и Василя Ярославича Боровскаго, опмѣнищъ вѣчевья грамошы и обещащись не издавалъ судныхъ правъ безъ ушверженія и печашпи Великаго Князя

(*) Или 15,500 рублей.

(**) То есть, народную дань.

и многое другое, и по обычаю цѣловали крестъ во увѣреніе исполненія всего обѣщаннаго нами.

»А онъ помирилъ насъ съ невѣрными Псковишянами, и Бояринъ Феодоръ Давыдовичъ, взявъ на Вѣчѣ присягу, шѣмъ повершилъ всѣ дѣло, и миръ былъ обоюду ненарушимъ. Марѣа скрылась въ свои опчины; но про нее Великій Князь и не упомянулъ въ договоренной грамотѣ, какъ бы презирая слабую жену. — Проспился онъ съ нами пріязненно и со славою возвратился во свояси.

»Съ шѣхъ поръ все было смирно и покойно. Хопя Новгородъ и много поперялъ, но имѣлъ опъ другихъ хищниковъ сильнаго заспупника. Трешьягодясь, шы самъ знаешь, онъ почпилъ насъ прибышемъ своимъ въ Новгородъ; его срѣшили, какъ владыку, чинно, одали самого и всю свишу его богашо, и шущь-шо онъ упамяповалъ меня. Те-

перь оспашся мнѣ доказашь тебѣ са-
 мое важное. Я, какъ предъ Богомъ гово-
 рю, чпо служилъ опечешву и рукой и
 гсловой; но меня обошли Посадничесп-
 вомъ и признали доспойнѣе меня пра-
 вишъ эпимъ чиномъ какого-по забѣгла-
 го Липвина. Ты, я думаю, догадался, чпо
 сими происками Марѳа водила издалека.
 Я сперпѣлъ за себя; но не сперпѣлъ за
 опечешво, ибо уразумѣлъ, чпо она
 опяшъ завладѣешъ Новгородскими ду-
 шами и, давно плѣнясь милоспивыми и
 правосудными посшупками Великаго Кня-
 зя Іоанна, высказалъ ему все, чпо у ме-
 ня было на сердцѣ. Онъ догадливъ, за-
 радовался, испребовалъ меня предъ себя
 и предложилъ мнѣ прѣвхашь къ себѣ въ
 Москву опгъ имени Новгорода и назвашь
 его *Государемъ*, чпо означаетъ совер-
 шенное кончаніе Вѣча нашего и преда-
 ніе въ его руки всѣхъ законовъ. Я по-
 думалъ и испросилъ время на размы-
 шленіе; чпо если рѣшусь, прѣйду, обма-

ну своихъ, передамъ самъ—и передамъ ему всю судную власъ нашу единымъ словомъ!...

»Дѣйствительно, исполнилось эпо. Теперь по временамъ спала появляясь Марва; съ единомышленниками и совѣтникомъ своимъ Звѣршановскимъ заглушили голосъ мой и вынудили меня рѣшиться измѣнить... не смогу вымолвить—кому! Но я знаю, что Іоаннъ правдивъ, цѣль его избавить мою родину. Земляки мои сами не примѣчаютъ, въ каковую гибель опрокидываются. Но порой сильно колышешся речивое мое; жаль родину съ обѣихъ споронъ; но что дѣлать? Лучше опдашь своему, чѣмъ чужимъ!«

»Но какъ ты соединился съ эпимъ чудакомъ? Кто онъ таковъ?« спросилъ его не громко Оболенскій, указывая на Захарія, который давно уже, сидя на лавкѣ, раскачивалъ головою, полуразинувъ ротъ въ пріятномъ усыпленіи.

» А его подкупилъ Намѣспникъ Московскій поварищесшвоващъ мнѣ, пакъ какъ онъ Дьякъ Вѣча, чшобъ въ случаѣ приложилъ и его руку, въ доказашельсшво Новгородцамъ, чшо опть нихъ мы посланы. Проискаши своими успѣлъ онъ вшперѣшсья въ шаконъ важной чинѣ. Вишсь съ виду-шо онъ и просшть, не казисшть, а на повѣрку выдешть, чшо хиперъ, какъ сапана, а богащъ какъ Ханъ.«
 Послѣ сего замолчалъ Назарій, и углубясь въ размышленіе, заключилъ окончаніе своихъ рассказовъ: »Все гошовъ я перенесшъ, даже опдашъ подъ шопоръ повинную голову, если Князь вашъ не исполнитъ всѣхъ обѣщанныхъ условій. Но чѣмъ заглажу неповинную казнъ Упадыша? Изъ любви къ Новугороду, посшупилъ онъ шакъ, чшобъ спасши его, чшобъ не раздрашилъ Москвишянъ сопропивленіемъ и не дашъ шѣмъ повода разгромилъ его. Вопть чшо выпышали изъ него, предъ смершю!... А я по-

даль голосъ на него, я ошкрѣлъ его измѣну!... Живо помню шо время, какъ теперь гляжу на сѣдые волосы его, какъ они вдругъ окропились кровью!... А что болѣе, съ шѣхъ поръ пропаль, Богъ вѣспь, куда, малолѣтшнй сынъ его, какъ непризрѣнная никѣмъ, круглая сиропинка. Должно бытъ, померъ онъ съ голода, аль съ неприюпа. Воптъ эша мысль душишь меня, когда пораздумаешься.»

ГЛАВА VII.

КНЯЗЬ СТРИГА ОБОЛЕНСКІЙ РАЗСКАЗЫВАЕТЪ ВЪ СВОЮ
ОЧЕРЕДЬ НАЗАРІЮ О БИТВАХЪ СЪ КАЗАНСКИМЪ ЦА-
РЕМЪ ИБРАГІМОВОМЪ, СЪ КАПЧАКСКИМЪ ХАНОМЪ АХ-
МЕТОМЪ, И КОНЧАЕТЪ РАЗСКАЗЫ СВОИ РОДОСЛОВНОЮ
ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ СОФІИ ТЕМЪ, ОТКУДА ПРИБЫЛА
ОНА ВЪ МОСКВУ И ВЫШЛА ЗАМУЖЬ ЗА ВЕЛИКАГО
КНЯЗЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА.

Вой сильнѣе, въпрѣ и гривыи,
Въ бѣлой парусь челнока;
Понеси насъ въ пунь счастливыи,
Волга, свѣшная рѣка!

Х.....ъ.

Долго продолжалось молчаніе унылое,
наконецъ Оболенскій произнесъ, какъ
вдохновенный: »Ты не виновенъ!...«

Спрахъ преспуцленія, давившій грудь Назарія, скапился съ него огромною горою и взоры его прояснѣли.

»Почему же ты считаешь меня бѣлымъ между черными?« спросилъ онъ его.

»Попому что ты былъ опущанъ только черными пенепами,« отвѣчалъ Оболенскій; »но когда Ангель Господень, охраняющій всякаго челоуѣка, вразумилъ шебя оборвашъ шайнспвенныя сѣпи, соплешенныя руками діавола, ты и вышелъ чистъ изъ оныхъ. *И власъ главы твоей не погибнетъ*, по слову Божию, безъ Его произволенія; сынъ же мученика Упадыша, если живъ, по повѣрь, что бережешся шакже Опцемъ Небеснымъ и прирѣнъ добрыми людьми. Судьба шемна и мудрена. Можешъ, обрящешъ ты его и замѣнишь ему родишеля и сойдешъ на васъ благословеніе неба! Доверши же начашое. Тебѣ еще мало вѣдомъ

Князь нашъ; но когда самъ узнаешь, ко-
го намъ послалъ Господь въ лицѣ его,
по возрадуешься и совершенно предашь-
ся успокоенію. Видно, молишва право-
славныхъ нашла его и наспали времена
свѣшлыя для насъ, ужъ не шѣ, когда Мо-
сква свѣшлась шолько заревами и раз-
диралась на части. Выспрадала она, сер-
дечная, долю свою. Послушайка, я по-
разскажу тебѣ, какъ возвеличился и воз-
сіялъ шеперь споличный градъ нашъ.

» Долго называли мы Ординцевъ *би-
гами небесными*; но когда пращѣдушка
нынѣ Княжущаго Іоанна Васильевича,
Дмишрій Іоанновичъ, сокрушилъ на До-
ну гордынца ихъ Мамаю и съ нимъ рапъ
великую, и оплегло на душѣ Руси право-
славной, хопъ они послѣ и разхищали
Москву нашу и другіе города, пригоро-
дья и села; но ужъ ихъ почипали не
споль грозными и могучими, какъ прѣ-
жде, а нынече и погошова. Ужъ мы са-

ми задираемъ ихъ. Ахмагъ, Ханъ Капчакскій и повелитель Варяжскихъ улусовъ, все присылаютъ по дань и пребываютъ, чпобъ Великій Князь по древнему обязательству не только прислать бы ее, да и самъ прибылъ бы на поклонъ къ нему, какъ дѣлывали его предки; но Князь съумѣетъ опнѣкаться и не опъ него. Правда, прошлое лѣто послалъ онъ обыкновенную подаць къ нему съ Магвѣемъ Безспужевымъ, но не самолично же предспавиль ее; да и пому была причина, и еще важная, а именно: чпобъ задобрить его покамѣспъ, а самому силы собрать для своихъ видовъ.

«А Великая Княгиня Софья Ѳоминовна чшо учинила? Куда она разумна, ухищренна и набожна! Напала на нее мысль, какъ бы выжить изъ Кремля эспихъ дозорщиковъ Баскаковъ, съ ихъ челядью; шамъ и храмы Господни споятъ и угодники Божіи почюотъ, да шамъ же и

подворье нечислыхъ среди ихъ находи-
 дияся. Сердобольно ей мапушкѣ бого-
 боязненной показалось сіе нечеспіе; вошъ
 она и вздумала хипросіть: собрала всѣ
 свои драгоцѣнности и послала ихъ
 Ханьшѣ въ дары съ испрошеніемъ, чпо-
 бы ша исходапайсповала дозволеніе пе-
 ренесши подворье Ордынское въ другое
 мѣсто изъ Кремля и обѣщала опдѣлишь
 имъ для поспройки много земли и угоды-
 евъ, а на мѣстѣ ихъ подворья, вишь
 она дала обѣщъ поспавишь церковь во
 имя Николая Госпунскаго. Каковое на-
 мѣреніе приняла она будшо опъ пове-
 лѣнія Ангела Божія, привидѣвшагося ей
 во снѣ. Ханьша вняла ея словамъ и по-
 лучила она дозволеніе исполнишь обѣщъ
 свой. Подворье какъ будшо сняшо спа-
 ло, или смешено, ни камушка не оста-
 лось; мѣсто же окропили Свяпой водою,
 и цперь видѣль пы, какой храмъ вы-
 синися на немъ, красуешся и красуешъ
 Кремль и Моску всю; Ташарамъ же по-

ганымъ, вышуреннымъ изъ давнишняго гнѣзда ихъ, до сихъ поръ не дали земли ни вершка, и шапаюся они, какъ псы голодные, по разнымъ угламъ; въ Кремль ихъ не пуцаюпъ присмашпривашъ, да подсмашпривашъ за всѣмъ, а присшанища шо вѣрнаго нигдѣ не даюпъ. Ни шшо имъ собакамъ! Пуспъ же ихъ шапаюся шеперь, гдѣ хошяпъ; на Руси всѣмъ проспорно! Вопъ какъ обвела всѣхъ Княгиня Великая! Исполашъ ей, машушкѣ!

»А слыхалъ ли шы, какъ мы напускались на Казанцевъ ужъ раза шри, а въ чешвершый навѣрнякъ не успояшъ и народу-шо ихъ. Видишь, какъ было дѣло: Царевичъ *Касимъ* былъ вѣрнымъ слугою *Темнаго* и получилъ опъ него за шо удѣлъ на берегу Оки, Мещерской городокъ; съ шого времени презвали его *Касимовымъ* (*). Онъ поживалъ

(*) Рязанской Губернии утаданай городъ.

памъ сышно, избыльно, вѣдался съ Вельможами Казанскими, и однажды пѣ наущили его порабощить себѣ новаго Царя ихъ, а его пасынка, Ибрагима; но на чпобы онъ могъ покуситься безъ чьей нибудь помощи? Ближе всѣхъ было просить о ней Великаго Князя. На чпо Іоаннъ Васильевичъ съ радостію согласился, уловивъ случай присвоить себѣ Казань и пѣмъ успокоить на полудни границы свои. Скоро мы съ Княземъ Юрьемъ Паприкѣвичемъ выспустили на Казань, а Касимъ былъ нашимъ вожапымъ; мы пробрались шуда невидимкой и обспали ее близко, а подъ заспилкой noci думали напаспъ въ расплохъ. Но какой-шо злой духъ увѣдомилъ Ибрагима; глядимъ, онъ и спощпъ съ несчешной силой на Волгѣ. Чпо дѣлапъ? Насъ была кучка малая супропивъ его, и воропились мы; время было въюжное, нещаспное; грязь, холодъ и голодъ сопровождали насъ на возврат-

номъ пуши; за шо ужъ грабили и крушили мы все въспрѣчное намъ (*).

»На другую весну вломились мы опяшь въ ихъ земли, пакъ ужъ надиво какъ! Казанцы кочевали разбойничьими шайками около Коспромы, да наконецъ и самую Коспрому-шо облегли, я ихъ и погналъ опшуда; а Князь Даниль Холмскій заспигъ ихъ въ Муромъ и дружно опщелкалъ, пакъ чшо не оспалось на мѣстѣ бипвы, кшобъ могъ идпи пожаловаться на насъ; ваши же Новгородцы на славу опуспошили берега Волги, имѣющіеся во владѣніяхъ Ибрагима. Великій Князь, слыша шаковья нравья для него вѣспи, и самъ было поднялся на нихъ съ 10 дѣшнимъ Князькомъ своимъ; но къ нему заслала Липва пословъ. Онъ и

(*) По тогдашнимъ обычаемъ считалось это происшествіемъ въ чужой землѣ. Смопри Исторію Карамз. Т. VI.

оспался съ ними переговоришь о чемъ-шо.

»Наконецъ въ шрешью весну собралась нашихъ гибель: весь дворъ Велико-Бняжескій съ боярскими дѣпьми и Московскіе купцы пошли искашь *ратной гести* съ Воеводою Конспаншиномъ Александровичемъ Беззубцевымъ; къ нимъ приспали Коломенцы, Владимірцы, Суздальцы, Угличане, Можайцы, Ярославцы, Коспромичи и поплыли всѣ иные Волгою, иные Окою и въ одно время съѣхались всѣ при успьи сихъ великихъ рѣкъ. Какъ соединились они, вошъ вышло судовое-шо ополченіе! Видимо, невидимо спояло судовъ, а шого болѣе воевъ: какъ шолько донесла ихъ вода-шо! Казанцы покоились еще во снѣ и многіе не проснулись изъ нихъ, когда почалась рѣзня повсемѣспная; а началась-шо она уже въ городѣ, а въ городѣ вошли безъ помѣхи, какъ домой.

»Нападаль-шо шогда не самъ Воевода

Беззубцевъ, а *Руномъ* прозывался посланный имъ. Говорили, что онъ взялъ окупъ съ Царя Ибрагима, что вышелъ изъ города добровольно, когда бы могъ его присвоить подъ Русскій скипетръ. За по золоша, да серебра сколько опшуда вынесли! Полнехоньки колчаны, и опшупили со всею добычею на Коровничій оспровъ.

»Сильно вздрогнулъ Ибрагимъ; попомъ собралъ полки Комскіе, Сыплинскіе, Коспяцкіе, Бѣловолжскіе, Вошпяцкіе, Башкирскіе и многіе другіе и пошелъ на нашихъ. Можно бы крѣпко поспоялъ супрошивъ его раши; но неуспойчивые Вяпчане измѣнили нашимъ, и спали спѣсняпъ ихъ съ пылу. Беззубцевъ и опшупилъ съ выгоднаго мѣста своего. На шу пору вспрѣлась съ ними мапъ Ибрагима, жена Касимова, и кляпвенно увѣрила Беззубцева, что Великій Князь заключилъ мировую съ Казанскимъ Царемъ. Наши покойно расположились праз-

днoвaннѣ воскресной день и дѣлишь добычу. Вдругъ посылались на нихъ со всѣхъ сторонѣ Тапары. Это дѣло было на *Звениль Бару*. Наши вспрѣди ихъ бодро и дрались храбро, хопь и не пригопвились къ бишвѣ; но по убіеніи богатыря ихъ *Колупая*, на копорого была большая надѣжа и копорой смецалъ съ враговъ головы мечемъ своимъ, какъ голкомъ, ошпнушили наши; однакожь потеря было болѣе на сторонѣ Казанцевъ. Какъ ошпнушили, и поѣхали до Нижняго, гдѣ ошпановились и дали о всемъ знашь Великому Князю. Ужь онъ донялъ послѣ всѣхъ и понудилъ Казанцевъ просить мира. На чпо согласился онъ съ шѣмъ, чпобъ заключить его на всей волю своей, шп ошп, вышоднишь всѣ пошребованія его.

» Вошъ какъ начали наши озадачивашь ирежнихъ бичей-шп своихъ! Правду-малку сказашь, много подмогаешъ намъ шедерь Крымскій Ханъ, Менгли-Гирей,

ужь какъ дружны они съ Великимъ Княземъ, что и вздумашь невозможно; одаряють часно другъ-друга, чѣмъ шолько богаты. Хошь шопть и поддался недавно подъ власпъ Турчинъ, и хошь помущаешъ его злая Липва на насъ; однако онъ слову своему вѣренъ и въ дѣлѣ спояпеленъ. Какъ пронешся на насъ Ахмешъ Капчакской, а ужь онъ и гошовъ съ запылку-шо его доходишь. Вѣдь шому были и примѣры.

»Дѣдъ Іоанна Васильевича, Великій Князь Василій Дмишрїевичъ купилъ у Вишоппа Польскаго какого-шо забѣглаго шапарина Мисюра, и внукъ его Кирей пошелъ подѣдовски, да бѣжалъ опгъ Іоанна Васильевича въ Липву и вперся въ милоспъ Казимиру, пошому что у него припонъ всѣмъ разбойникамъ, перемѣшчникамъ и всѣмъ имъ работу онъ находилъ, и сего прислалъ къ Ахмешу, чтообъ согласишь его воєвашъ наше опе-

чесиво куплю съ нимъ. Тотъ возрадовался: ибо самъ хоптъль напаснь на наши земли, за що, что давно никлю не являлся предъ нимъ въ улусахъ съ мѣшками золопа, и пошелъ онъ, собравъ войска, взялъ уже Алексинъ, пробираясь къ Рязани; но Рязанцы опшояли свою землю славно, а Василій Михайловичъ, Князь Верейской, прозванный *Удалымъ*, опспразилъ его совсѣмъ опъ Русской земли пакъ, что онъ бѣжалъ безъ оглядки, увидя еще къ пущему ужасу, что Менгли-Гирай пригошвился мешнущься на него, да и недуги размножились въ его вольницѣ рашной.—И во свояси-шо при бѣжалъ онъ не на радость. Смѣлые Вяпчене поспѣшили загладишь измѣну свою предъ Великимъ Княземъ, когда онъ пригрозился на нихъ, и разграбили *Сарай* въ небышность Хана, а еами ушли и заспавили его дѣлашь по себѣ одни поминки.

»Должно полагашь, скоро его и совсѣмъ

сокрушашъ! Съ шѣхъ поръ и до сихъ не емѣеть онъ щевельнушья на насъ, и заключилъ крѣпкое слово съ Княземъ Великимъ. Вошъ какъ умѣеть Великій Князь нашъ обрѣшашъ друзей и опущиванъ ворововъ опъ своихъ опчинъ Такой разумица!

» Да вишь и Княгиня-шо Великая спомишь его! и о ней идушь рѣчи добрыя!» сказалъ Назарій.

» Да вѣдь ужъ я говорилъ шебѣ, какъ она хитро посупила съ Ташарами! Вѣдь она и умомъ и родомъ вяла: Магомешъ-Турчинъ овладѣлъ Пелопеннесомъ Греческимъ, а послѣдній Императоръ, Конспаннинъ Палеологъ имѣлъ двухъ брашьевъ, Димитрія и Оому. Димитрій-шо спалъ невѣрецъ и сказывающъ еще про него какой зазоръ: будшо бы опдалъ онъ единую дочь свою Магомешу въ жены и разживаешся шеперь въ Цареградѣ богато. Но чесный Оома погнушался шакимъ посупкомъ

*

и бѣжалъ изъ Корфу къ Лапынцамъ въ Римъ, гдѣ большой *Попъ* ихъ, по ихнему Папа, съ прозваніемъ Пій вшорый, принялъ его ошмѣнно радушно и уважилъ въ немъ послѣднюю опрасль Хриспіанскихъ Государей. Ома привезъ ему важную драгоценность: голову Апостола Андрея (*); за по ему положили вишь большую и ежегодную денежную подашь. Онъ имѣлъ дочь Софію разумную и лѣпообразную. *Король Галловъ*, сказывающъ, желалъ ее пояшь себѣ въ жены, но она вишь сама опказалась; а Великой попъ Лапынскій, зная могущесиво нашего Князя, высвапалъ ее за него И какъ всѣ вожделенно срѣпали ее! Святшпелъ Филиппъ, Мишпрополншъ нашъ, сказалъ: *Эта вѣтвь того Царственнаго древа, стнь котораго нѣкогда покоила все христіанство. Одинъ брапъ ея, Ма-*

*) Съ того времени хранился она въ церкви Св. Петра въ Римѣ.

нуиль, какъ и дядя же, проживали у Магомешпанъ; другой же Андрей жалуешъ часпо въ Москву, и дочь его Марія живешъ и шеперь у щешки своей Княгини Великой. Поговариваюшъ, чпо молодой Бнязъ Василій Вереиской зорко присмащривается на нее. Да эшошъ соколь и споншъ пакой голубки! Съ Княгиней Великой, родной нашей, пресвъщпой, зажглось щочно другое солнце на небѣ! Появился, вошъ увидишь при дворѣ, еще Аришошель Болонской, великой дѣлецъ на всѣ снадобья: и храмы созидаешъ, и огнемешы успроиваешъ, и многое другое выдумываешъ. Не упада Визанщя; рука Господня перенесла ее въ Москву вмѣспъ съ дочерью ея, а нашею машерью Княгинеею Великою.»

Умиленно прислушивался Назарій ко всякому слову Оболенскаго. Вдругъ спящій Захарій вспрепенулся и вскочилъ...
 «А чшо? пора?» бормошалъ онъ, выпляливъ на всѣхъ глаза свои.

Назарій невольно улыбнулся и спросил его: »Ты видно думаешь, что мы еще въ дорогѣ? Экъ она убаюкала себя! Али не привидѣлось ли тебѣ во снѣ, какъ на яву вчера, что нибудь цапкое: помнишь ли лѣсной перемѣ? Да ты его вѣрно никогда не забудешь.«

Насмѣшливой тонъ Назаріева голоса омрачилъ лице Захарія въ эту минуточку, когда улыбка, блеснувшая на лицѣ его, начала уже расширять уста до ушей.

»Ну, теперь время опривавиться въ палаты Княжія!« сказалъ Оболенскій.

Назарій вздохнулъ. »И пакъ должно все рѣшиться!« молвилъ онъ полуголосомъ.

» Въ рукавъ у Него милоспей много; не намъ судить и разбираться, къ чему ведетъ Его свяшый Промысль. Намъ оспасаеся вѣрять только, что все идетъ къ лучшему!« сказалъ Оболенскій, указывая рукой на ликъ Спасителя, горящій въ золотомъ вѣнцѣ.

Назарій вздохнулъ свободнѣе и, оградивъ себя креспнымъ знаменіемъ, вышелъ скокойно за нимъ и за Захаріемъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

6

